

ZONA

СЕРГЕЙ ЖАРКОВСКИЙ ЭТА ТВАРЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ

- "Доброе утро, Беда!
Говорит "Радио Зоны"!
Будьте если не живы,
то хотя бы здоровы!..."

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ZONA

Сергей Жарковский

Эта тварь неизвестной природы

«Автор»

2017

Жарковский С.

Эта тварь неизвестной природы / С. Жарковский — «Автор»,
2017 — (ZONA)

Смертельная загадочная ZONA возникла в астраханских степях, поглотив военный город и военный космодром. Она губит и возвращает жизни, совершает переворот в мировой политике и науке, и превращает юного контрактника Советской Армии в трекера-браконьера, путешественника между Луной и мезозоем, охотника на динозавров и на конкурентов из Палласовки, убийцу людей и спасителя человечества... к которому бывший юный контрактник и его новый народ — «бедованы» — относятся всё меньше и меньше... и относятся плохо. Первая книга трилогии Zona (присутствует завуалированная нецензурная брань)

© Жарковский С., 2017

© Автор, 2017

Сергей Жарковский

Эта тварь неизвестной природы

Сергей ЖАРКОВСКИЙ

*...эта невесть с какого неба упавшая загадка,
ЭТА ТВАРЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ
превратила это место в отдельную страну,
в страну волшебную,
в злую волшебную страну с чужой волшебной планеты...*

When you have eliminated the impossible, whatever remains, however improbable, must be the truth.

«The Sign of the Four»

В тексте использованы термины из произведений И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, И. Варшавского и Ф. Херберта...

«Реквием по пилоту»

ПРОЛОГ

В промежутках между рвотными спазмами, каждый второй из которых был успешным, прапорщик Башкало, твёрдо стоящий на карачках от Вадима ошую, провозглашал следующее: – Мать... Аыгр... М-матушка-перематушка... Блээээ!.. Чтоб я ещё... Чтобы вся эта... чтобы вся эта х-херня неизвестной природы... трах её тарарах!.. провалилась пропадом, чтобы её... Ыьыырлааа! Чтоб ей, с её газовыми метеоритами, с её туманами-перетуманами, с её гребёнными тяжестями-лёгкостями и прозрачными мотовозами... чтоб ей, с-суке, ни дна, ни покрывки! Блюэrrrrrrгааа! Долбанный Горбачёв!

Старший прапорщик Петрович, блюющий от Вадима справа и тоже на карачках, понятных слов не говорил. Он был много старше, и, может быть, поэтому его полоскало намного сильнее. А может быть, возраст значения не имел вовсе, а Матушка-Беда с него брала плату за проход по полной, а не частями.

Вадима не тошнило совсем. Физически ему было нормально, никакой рвоты, никаких спазмов, никаких кровавых пелён между хрусталиком и сетчаткой, он и испугаться-то не сумел как следует, слишком уж невероятное они свершили дело, человеческий страх тут был неприемлем. Какое-то другого уровня потрясение должно было здесь испытать, что-то вроде ауры первого шага в открытый космос, на виду у всего мира, когда и жизнь, и смерть лично твои не особо заметны на фоне самого свершения, и ты это сознаёшь. Как-то так. Физически Вадим испытывал усталость, такую, словно бы он был резиновым и надувным и его вдруг иголкой прокололи. Не менее того, но и никак не более. Он стоял между Башкалой и Петровичем, упершись руками в колени, и, стараясь не шевелиться, смотрел на вешку с номером 323, первую с этой стороны от железной дороги, и представлял себе человека, воткнувшего её в бурую глину астраханской полупустыни когда-то (год назад? полтора года назад? тысячу лет назад?). Был кто-то первый, преодолевший королёвскую узкоколейку, догадавшийся шагнуть в борт проходящего мимо второго вагона, железного только на вид, а на ощупь, на свет – призрачного, спроецированного таинственным фильмоскопом неизвестной природы на кучу табачного дыма кинокадра... как это называется?... «комбинированная съёмка»!.. Кто-то придумал, догадался, прочуял прыгнуть сквозь железный призрак и пересёк непроходимую, смертельную, жестоко

убивающую железную дорогу. Кто-то рискнул первым. И воткнул вешку в куст чёрной полыни. Вешка триста двадцать три. Первая с этой стороны. Тоже, наверное, блевал... Старший прапорщик Петрович с этим гением, героем и психом знаком, скорей всего. Или он сам это и был? Как его полощет-то! Как самого Вадима на «нейтралке» вчера, когда Зона приветствовала его и оценивала.

Время шло, десятки ли секунд минули, сотни ли, но вот и у Башкалы скис словарный запас, и Петрович уже не всхлипывал рыдающе, извергая из себя походный полдник, и скоро остались только два хриплых дыхания слева и справа и запахи, неожиданно сильные, как будто они были в небольшом и закрытом помещении. Потом всё совсем стихло, а потом Вадим заметил, что Петрович сидит на земле в позе Шукшина босиком, и снизу вверх внимательно на него смотрит из-под длинного козырька синей американской кепки, смотрит недобро, протирая зелёным носовым платком рот, и под ним. Вадим сразу выпрямился, поднял «сорок седьмой» за зажатый в кулаке ремень, пристроил на положенное, неуставное в обычной жизни место. Петрович промолчал, отвёл глаза, сложил и убрал платок, в два приёма поднялся на ноги и каблуком стал сгребать мокрую глину, прикрывая извергнутое. Поднял свою «трость» – обломанную, без диска, вешку, наковыривал грязь на лужу рвоты и ей. Зачем-то ему нужно было – прибрать за собой грязь, присыпать дерьмо. А может быть, это необходимо? Среди Беды-Матушки прибираться надо всегда и обязательно, скрывать результаты своей жизнедеятельности, включая продукты метаболизма, задние и передние, прятать их, закапывать, поскольку кто его знает, что с этими результатами и продуктами может произойти? Чем они могут обернуться? Не потому что их, разведчиков, вычислят по ним. А потому что рвота может ожить и съесть их, настигнув и вцепившись снизу.

Что Вадим уже понял, так это то, что Петрович ничего не делает в Зоне зря или просто так. Поэтому он удавил смешок («Рвота идёт по следу!») в зародыше. В Зоне всё правда.

– Этот... как тебя... Свержин! – изнеможённо сказал прилегший на бок Башкало. На нём была тоже американская кепка, только грязно-жёлтая, с надписью. Носил он её козырьком назад. – А ты что, даже и не сплюнул после мотовоза? Вот так прошёл насквозь, и всё? Типа ты, пацан, Зону знаешь, а она-то тебя? Контрактник, блин...

Вадим пожал плечами, ощутив тяжесть рюкзака на спине и сползающий ремень автомата на правом плече. Не даёт Башкале покою этот самый «контракт». Вообще он называется «договор о найме на сверхсрочную службу». Министр обороны Язов. Подпись, число. Второй раз уже тебя лично министр обороны на работу нанимает, пискнул в который раз очевидное Бубнилда.

– Эть, бля, ты какой! – сказал Башкало с осуждением.

– Вася, прибери за собой, – негромко сказал ему Петрович, подобрал свой рюкзак, приладил на спину, поднял за ремень свой пулемёт, повесил на плечо, снял кепку, осмотрел, надел кепку. Башкало, косясь на Вадима и под нос себе шипя, пинал волосатую прошлогодней травую кочку. Кусяра, подумал Вадим. Советский прапорщик до пенсии «дэмбэл». Тут же он вспомнил прапорщика Антонова и улыбнулся. Не каждый.

Старший прапорщик Петрович внимательно озирался, Вадим последовал его примеру. С этой стороны железки видимость была «миллион на миллион», никаких сгущений атмосферы, никаких осадков, никаких световых карманов. Не было пеплов, с той стороны железки их просто доставших утром. Насыпь была невысокой, и шоссе на той стороне тоже было видно превосходно, и вешки на шоссе, и блеск первой изморози на бетоне шоссе, и был виден даже вдалеке провалившийся в бетон шоссе кунг с кричащими мертвецами. Впрочем, сообразил Вадим, отсюда их почему-то не слышно.

А похожего на механический труп мотовоза с тремя пассажирскими вагонами, один из которых был «комбинированной съёмкой», уже не было. Сколько прошло времени? Вадим отскрёб обшлаг ОЗК с запястья и разглядел цифры на семимелодийной «монтане»... выме-

нянной, кстати, у подпоручика Гонзы за фалангу в эпоксидке на оргстекле совсем недалеко отсюда меньше двух лет назад. Половина двенадцатого утра. Сегодня. А с площадки «Обелиск» – места предыдущего привала – они вышли в двенадцать пятнадцать, по этим же часам. Сегодня. Твою ж Матушку. Вадим еле удержал порыв приложить часы к уху, идут ли.

– Продолжать движение. Прежним путём идём до вешки номер триста двадцать четыре, – сказал Петрович. – Василий, готов? Свержин? Выброси свои часы. Трек необъективный, я же говорил. Вперёд. Направление – вот.

И, развернувшись на каблуках, он навскидку показал своей тростью (поломанной вешкой) точное направление. Вдоль насыпи, забирая влево. Господи, какие же это знакомые места. Сколько раз я ездил с «семнадцатой» на Десятку, то есть Капустин, и обратно, что на этом самом мотовозе по этой самой железке, что по этому шоссе на автобусе, и один раз на «скорой», и раз десять с Житкуром и доктором Вяткиным на знаменитом новеньком «виллисе» сорок третьего года изделия...

Вадим двинулся, на ходу поправляя лямки рюкзака, срывающийся с плеча ремень автомата. Странно, что запрещено приказом носить автомат на шее. Ну а что тут не странно... вот впереди застарелая колея от тяжёлой машины, видимо, пусковой установки, и лет ей, этой колее, может быть и пять, может и сорок... Изуродовали степь. Говорили, что когда Королёв сюда приехал со взводом солдат, тут пропасть было тюльпанов, а сейчас одна рыжая глина, словно лысина бухгалтера, торчит сквозь полынь... Колеи надо преодолевать осторожно. Особенно эту! – вдруг понял (почувал) Вадим, резко сбавляя скорость.

– Так, – сказал сзади прапорщик Петрович.

Колея была «вынутая». Второй раз за сегодня и второй раз в жизни Вадим видел такое. Он ожидал, что, как и утром, Башкало заведёт рассудительное нытьё, что вот она, вынутая, значит, точно, поблизости палит ништяк, хорошо бы осмотреться, пройтись фронтом, потому что это же лишняя тысяча рублей даже и на троих на дороге валяется... Но сейчас Башкало ныть не стал почему-то.

Вадим рюкзаком чувствовал взгляд старшего и сделал всё по уставу: приостановился, поднял открытую ладонь, останавливая группу, вытянул из-под поясного ремня полоску марли, набросил её на колею, и подождал, затаив дыхание, и только потом перешагнул, «обозначив начало движения повторным жестом открытой ладони, видного следующим за собой», подошёл к парному следу, в точности повторил действия. Перешагивать, причём, надо не точно над марлей. Чёрт знает что. Зона знает, что, сказал Бубнилда где-то между глаз Вадима.

Возразить было нечего.

– Смотри, колея разряженная, без ништяка, – сказал сзади Петрович. – Я его давно подобрал. «Гнатюк» тут был, хорошенький такой. Видишь, хоть след и вынутый, но замусоренный. А рабочая, злая колея всегда очень чистая, как будто только что проехали. Как на мокром песке. Но ты всё верно сделал, хвалю. Продолжай движение.

Пошли по треку дальше. Спасительный Бубнилда в голове Вадима в точке за переносицей, проснувшись, больше не затыкался, размеренно говорил бубня, что как будто ты и не уезжал отсюда, правда? не демобилизовывался как будто, а так и живёшь-тащишь на знаменитом Полигоне, правда? как в сон «меня опять забирают в армию» попал, правда? как будто не было трёх лет дома, не было Майки, не рождалась Катёнок...

– Стоять! – сказал вдруг Петрович остро.

Вадим замер с поднятой ногой, потом осторожно опустил её. Он не обернулся. Бубнилда притих. Оба уха открыты, ладони открыты. Уши и руки до запястий обязаны быть открыты в любой мороз, при любых обстоятельствах. Зимой уши у шапки не опускать! И никаких перчаток или рукавиц.

– Вася, блядь, грызть тебя попогрызлом! – сказал Петрович странным голосом.

Вот тут Вадим осторожно обернулся – всем телом.

Башкало, арьергард и возчик группы, маячил в положенных десяти метрах позади. А старший прапорщик Петрович, оставив свою палку воткнутой в мокрую степь, в нарушение всех уставов и неофициальных заклинаний шёл к нему, то есть назад, шёл назад, медленно поднимая руки по сторонам своей кепки. Вплотную подойдя к оцепеневшему прапорщику, Петрович так энергично бросил руки вниз, и с такой досадой там, внизу, развёл ими, и так витиевато в упор проклял мамашу прапорщика, что Вадиму стало ясно: первому разведывающему рядового контрактной службы Свержина Вадима Валентиновича в Зону настал этот самый Он, подстерегающий каждого третьего неопита. Закончили упражнение, оружие к осмотру. Спасибо, что живой. Сие, впрочем, неизвестно.

– Не понял, Николаич! – пришипясь, с испугом, но и с вызовом сказал Башкало.

Старший прапорщик Петрович обошёл вокруг него, как вокруг ёлки, и спросил безнадежно-спокойно:

– Вася, товарищ советский прапорщик! Где тележка, где вешки, ещё раз и так твою мать, и так?

Башкало крутанулся кругом себя, аж РПК на нём мотнулся, охлопал себя по бокам, и за десять метров Вадим увидел, как круглое его лицо резко и полностью опунцовело, превратившись цветом точно в диск на «вешке». Даже пунцовой этого диска стало, крашеного железным суриком. Аж черты лица пропали у Башкалы, только усики торчали вспухшей царапиной. Красная рожа прапорщика. Вадим никогда не читал книжки, но непременно в какой-нибудь есть такое: «красная рожа прапорщика».

Не будем забывать, вдруг проговорил Бубнилда важно, что Башкало выходит в Зону с самого начала, что он умелый и неутомимый ходок-стайер, и что РПК, называемый почему-то трекерами, наряду с АК-47, поёт в руках Башкалы на огневом рубеже почище иного соловья. Осторожней с ним надо быть.

– Николаич... – выговорил Башкало. – Мля, Николаич! Не знаю, сука! Не помню! Накосячил я, Николаич!

В садовой тележке, нежно выкрашенной шаровой краской, Башкало вёз полсотни вешек – проолифленных заострённых черенков от швабр с прибитыми к ним медными скобками пронумерованными дисками. Нежно выкрашенными в пожарный цвет. (Весь прошлый месяц Вадим посвящал окрашиванию тележек и вешек по два-три часа в божий день.) Боевая задача группы старшего прапорщика Петровича в сегодняшнем выходе формулировалась как «разведка и обозначение вешками третьей четверти маршрута “Обелиск – в\ч 20224”». Таким образом, потеря вешек херила задачу, и выход в целом, и репутацию Петровича, ибо сказано: «косячит старший».

– Как во сне, Николаич, не помню!.. – сказал Башкало истово. – Упустил!

А ведь врёт кусок, подумал Вадим. (Или это Бубнилда подумал?) Помнит он. Специально бросил. Ещё в кювете под насыпью. Там тележка и стоит себе теперь, и вовеки. Идти ему было задним, тащить тележку, да по гравию, да через рельсы, да в ужасе, да вслепую, и вполне третий вагон мог тележку зацепить, дёрнуть и тележника, сбить с ног, зажевать уже настоящими колёсами... так и ну её к шутам, эту тележку, а на той стороне железки уж будь что будет. За выход деньга уже капнула, а в следующий Петрович не возьмёт. И слава КПСС. С Петровичем выходить себе дороже. Жребий тянут чуть ли не. Которую неделю трекары толкуют между собой, даже в «гусятник» слух проник, и Вадим в курсе, что старший прапорщик Петрович нынче выходит треками страшными, не вокруг «нейтралки», а в самую неизвестную степь, клинья бьёт в Зону, в такие места, где нормальные три километра по карте давно стали тридцатью объективно. В самом прямом смысле слов тридцатью, растянутые «аномальными интенсивностями неизвестной природы вблизи поверхности планеты Земля».

Ну не хватало мне ещё и мысли читать, подумал Вадим с неприцельной злостью. Теперь то что? Три целые вешки у них остались, «проходные»: их нёс Вадим в петле рюкзака, наподо-

бие мечей из фильма с Брусом Ли. Ещё одной, обломанной, вместо трости («Вместо посоха!») пользовался Петрович.

Петрович молча вернулся на середину дистанции Башкало – Вадим. Выдернул трость-посох.

– Свержин, вперёд к триста двадцать четвёртой, – обычным голосом приказал он. – Следующую вешку взять справа, в трёх метрах, и там стоп по команде. Шагом марш.

Вешку Вадим взял на правую руку минут через десять. Она торчала косо, сильно ребром к их ходу. Вадим дождался команды, повернулся к старшему, опустился на колено, ощущая пот между чулком ОЗК и бриджами. Было жарко. Петрович обошёл вешку, сделал от неё «спираль» на два витка, «осматривая» воздух, его плотность и влажность руками, потом сказал, указывая на избранное место:

– Здесь привал, обед, перекур. Башкало, делай со мной. Свержин, на месте. Тихо при-сматривайся, как делается. Куришь – кури.

Башкало подошёл к указанному конкретному месту степи, они с Петровичем встали на колени лицом друг к другу, сняли рюкзаки и принялись сооружать дастархан. Через пару минут Петрович, простерев руку к Вадиму, щёлкнул пальцами. Вадим снял и подал ему свой рюкзак. Он нёс основную часть сухого пайка группы. Свои вешки он положил рядом с вешкой-тростью старшего прапорщика. Прапорщики собирали обед быстро, соблюдая десятки странных мелких правил, почти незаметных неискущённому глазу. Вадим вспомнил – безо всякого Бубнилды, ассоциация была явной – слова космонавта Макарова. Весной восемьдесят второго года у отца случилось очередное обострение (предпоследнее, следующего он не перенёс), и Вадима с нарочным ментом отправили на побывку к матери в Свердловск. И почти сразу же, буквально через пару дней по доставке, у матери, в её поганой детской областной библиотеке случилась встреча пионерии с космонавтом Макаровым, приехавшим в Свердловск чёт его знает зачем, на семинар какой-то, что ли, или съезд. Ещё там был писатель Стругацкий, здоровенный дедухан, рядом с которым космонавт в кожаном невероятном пиджаке смотрелся лилипутом из мультика. Но на писателя Вадиму было начхать, а вот космонавт заинтересовал, как ни было плохо на душе, как ни душили Вадима тоска, отчаянье и ненависть. Космонавт всё-таки... Так вот, среди всякого разного космонавт Макаров одинаково удивил и пионерскую гопу в пилотках и гольфиках, и Вадима в жёлтом вельветовом комбинезоне и кедах, сказавши, что невесомость – это довольно противно, и ему, космонавту Макарову, она не понравилась, а потом ещё сказал, что многолетние тренировки до старта не могут дать столько полезного знания, сколько пятиминутное наблюдение за действиями уже летавших товарищей после старта. И проиллюстрировал это сценой укладывания спать в бытовом отсеке космического корабля «Союз». Какие там есть хитрости, на Земле необъяснимые. Действительно, то, как Петрович и Башкало готовили костёр, с какими предосторожностями и ухищрениями открывали и грели тушёнку, там, снаружи, на Земле, фиг кому объяснишь.

Кстати, в Предзоне уже и начали называть землю за периметром карантинной зоны – Землёй с большой буквы. «Ну что там Горбачёв на Земле сказал?» «Слыхал, сука, опять американцы с Земли приезжают своих искать... Хоть бы своих пайков навезли опять...»

Вадима позвали к столу. Сели на корточки, по-зековски, лицами друг к другу. Вадиму всегда так было сидеть неудобно, хоть дома на Спартановке, хоть дома на Уралмаше. Тело протестовало, не принимало позы. Вадим вытягивал одну ногу, получал из рук Башкалы китайский термос с цветочком, хлебал почти уже тёплый чай, передавал термос через костёрчик Петровичу, менял ноги местами, выглаживая из банки тушёнку, привставал то на левое колено, то на правое, так что Башкало вдруг заворчал горлом, что, мол, утомил, гусила, что ты ёрзаешь. Петрович молчал, давил квадратными пальцами в лепёшку алюминиевую крышку термоса, молча ел, молча пил – думал какую-то думу, и Башкало быстро умолк. Впрочем, ожидание

нахлобучки сгушалось над костром явно, и никто не удивился итожащим словам Петровича на выходе его, Петровича, из полосы размышлений.

– Ну мурак же ты, Вася Башкало, – сказал он тяжело. – Лучше бы я тележку салаге доверил, а бампером тебя бы пустил. Ну что теперь делать, ансамбля ты песни и пляски, Вася? На три вешки дальше крайней пройдем, и сиди там на месте впустую, жди завтрашнего мотовоза пройти назад с этой стороны на ту? Такой ты выход удачный угробил, Вася. Так мы хорошо шли.

Башкало крутанул своими усиками, опять покраснел, но уже, конечно, не так страшно. Хлебнул из термоса до кашля. Откашлялся, пустил коричневую слюну между колен из-под усиков. Стыд у подобных людей обычно выражается в переводе стрелок. Поэтому термос Башкало передал не Вадиму, по очереди следующему, а демонстративно вернул Петровичу.

– Николаич, на вот, попей. И прости меня. Этот вот, – кивок на Вадима, – мешканул там, на рельсах, я чуть его не сбил, дёрнулся, ну, видать, тут и выпустил ручку. Ну такое вот с гусями всегда попадалово. Знаешь же. Виноват я, конечно.

Выслушав это, Петрович усмехнулся и принялся большим пальцем втискивать алюминиевый блинчик (бывшую крышку термоса) ребром в землю у ноги. Башкало ждал с протянутым китайцем. Петрович забрал у него термос и сразу передал Вадиму.

– Допивай, салага. И больше не мешкай перед товарищем прапорщиком на рельсах.

– Разрешите вопрос, товарищ старший прапорщик. А как вообще узнали про второй вагон? – спросил Вадим. Как ни в чём не бывало.

Петрович, снова погрузившийся в прогнозирование и планирование, сначала машинально ответил:

– Да случайно, как и всё тут, чуйкой... Не понял, что?

Чая в термосе оставалось мало, в рот Вадиму полезли чайники со дна.

– В Зоне отставить дурацкие вопросы, воин! Тур-рист, в рот нехороший! Отставить базлать! – нависнув, прогудел Петрович.

Вадим протянул ему термос с оставшимися парой глотков и пригоршней мокрой заварки, и вдруг Петрович зарычал по-настоящему зло:

– Ты что, сука, щенок, на инструктаже не был?

– Виноват, товарищ старший прапорщик, – сказал Вадим, успев заменить на «виноват» естественное «не понял».

Петрович, чуть вдавив, поставил термос на землю, расстегнул разгрузку, оттянул воротник ОЗК и выхватил из-за пазухи рулончик синей изоленды.

– У тебя ж, мать твою, золото на пальце! – торопливо и зло заговорил он. – А ну быстро снял! Быстро снял кольцо, придурок!росло, что ли?

– Нет... – сказал Вадим ошеломлённо.

– Да снимай ж ты цацку, сыняра! – подхватил Башкало, но с лентой. – Но ты-то куда, Николаич, старый волк, смотрел? Вот они, гуси! Я же и говорю. И гибнут добрые люди из-за них. И вешки теряются.

Башкало улыбался, что твой унитаз на витрине. Зубы под усами у него были редкие, белые как сахар. Старше Вадима он был лет на пять-семь. Вадим мог ответить ему подобающе, но опять сдержался и снял кольцо. Петрович как-то лихорадочно выхватил его, ногтем, не сразу, торопясь, подцепил краешек изоленды, чуть ли не в полный отмах руки длиной оторвал полоску, смял её в комок, сунул кольцо в середину комка и принялся обматывать слой за слоем, шевеля губами («Петрович молится уставом караульной службы! Га-га-га!») и уже не отрывая плёнку ПВХ от рулона. Извёл половину. Оборвал, наконец. Образовавшийся колобок взвесил в руке. И перекрестился дважды. Вадим и Башкало открыли рты. Крестящийся старший прапорщик Петрович, мозаика Ломоносова.

– На, салага, спрячь себе поглубже!

Вадим сунул колобок с кольцом в желудке («Счастливейший пирожок!» – пискнул из-за переносицы Бубнилда) в набедренный карман. Значит, вот так в Зоне с золотом.

– Запомни, салабон: золото как громоотвод в Зоне. Громоуловитель. А молнии тут знаешь какие бывают? Потом, если вернёшься, поспрашивай у своих учёных. Кто жив остался. Цепочки, крестики есть?

И Петрович допил чай залпом.

Вадим покачал головой.

– Никак нет.

Башкало хохотнул.

– Слушать на инструктажах надо ушами, а не... Ж-женатик... – сказал Петрович на обычной громкости. – С вешками тоже так было: делали-то их из прутка поначалу, пока кровью не умылись... Ну что тебя сюда понесло, ёпэрэсэтэ, женатый человек?

Вадим молчал. Ещё (всего!) два месяца назад ни один человек в мире не смог бы убедить его вернуться сюда. Ни за деньги, ни за самую Родину. Он был счастливым телезрителем всего два месяца назад, он подползал на коленях к телику, чтобы пальцем на экране показать Майке, что вот это вот горит хлебозавод, мы там хлеб получали, ну а американцы вот тут пропали, я как раз тут и служил... Он был счастливым телезрителем. Полигон («Капитан Житкур!» – влез Бубнилда) дал ему деньги, судьба («Сумасшествие твоего папаши!» – влез Бубнилда) дала ему Майку, Майка дала ему Катёнка, и на ужасы Капустина Вадим согласился бы смотреть только по телевизору. Лёха-Хохол давился слезами, когда летом восемьдесят шестого читал им письма из Киева про радиацию, про радиометры по блату, про ментов в целлофане. Но никогда Вадим и слезинки бы не уронил из-за катастрофы на Полигоне. Он его ненавидел и боялся. А сейчас это была единственная надежда. Которую он ненавидел и боялся.

Оказывается, всё это время Петрович ждал ответа.

– Молчишь? Молчишь – торчишь, салага. Ладно. Так. Вот как мы поступим в связи с подвигом товарища прапорщика... – Он пожевал губами. – В общем, группа, слушай мою команду. Продолжать выполнение задания по разведыванию и провешиванию безопасного трека к «двадцать девятой площадке» и обследования состояния ядерного оружия по увиденной возможности такового обследования, мы теперь не можем. Без вешек и сами оттуда не выберемся, и для других ничего не оставим. Спасибо тебе, Вася, ещё раз. Меняем маршрут. Запасной вариант. Курим, и пошли.

Петрович достал редкость нынешним летом – свежую пачку «Родопи», распечатал, закурил. Обёртку аккуратно скатал в шарик («Колобок!» – пискнул Бубнилда) и сунул в костёр. Щепки уже прогорели и остывали, кругленько пылали синим только таблетки. Башкало шумно подышал носом и жестом попросил сигарету.

– Куда меняем-то? Что за запасной вариант такой, Николаич?

– А недалеко, товарищ прапорщик, – сказал Петрович, подставляя ему свою сигарету прикурить. – Как раз на все наши на три вешки отсюда отнырок. Разведкой для командования нам заняться не удалось... по твоей милости. Займёмся наукой, раз уж треки совпали. Да не марай бельё, Вася, тут недалеко. Недалеко и знакомо. Тут моя нычка поблизости. Поделиться с тобой ей хочу. И с этим вот, новым.

– Во как... – сказал Башкало, затягиваясь. – Нычкой поделиться! Ус-сышься про войну...

Они курили друг против друга, стряхивали по очереди пепел в полностью уже спиртовой костёр. Это было тягостно, сосуще, безнадёжно-дуэльно, и Вадим опять плюнул на запрет базлать.

– Товарищ старший прапорщик... Разрешите ещё вопрос. Я по делу. Вот все эти... странные места... Гитики. Все они рядом с нашей техникой, с железной дорогой? Они же как бы только на технике зарождаются, верно?

Петрович засмеялся.

– Он тут в индейцев играет. Ох, дети, дети... Было верно, воин! И бинокли можно было использовать поначалу, и прицелы. Но теперь уже по вольной степи не погуляешь... А ты, значит, у нас такой, Свержин, мыслящий. За полторы тысячи целковых в месяц. Как ты сказал – «гитика»?

Вадим кивнул.

– «Пиджаки» в курилке спорили. Они невероятные места так называют. Гитика. «Наука знает много гитик». Такое выражение.

– Это Красная Армия у нас теперь называется, – сказал Петрович наставительно. – Весь личный состав полигона, что жив и не в психушке, сидит и читает, в рот нехороший, вместо устава научную фантастику! Во главе с товарищем генералом, начальником карантина. А ты ещё и к учёным бегаешь. Станный ты, Свержин. Хотя и с чутьём. И с равновесием хорошо... И стреляешь, говорят... Кожаный носок...

– Да я вообще-то вообще не читаю, – сказал Вадим, но его не услышали.

– Ага, он этот... Фенимор, мля! – подхватил Башкало.

– Вот тебе и фенимор... Странное с вашим призывом контрактным, – сказал Петрович. – Я слышал, через военкоматы вызывают дембелей отсюдашних сроков службы восемьдесят шесть – восемьдесят девять поголовно, и с ходу полторы тысячи в месяц предлагают. Так, Свержин? Просто из любопытства.

– И подписку о неразглашении берут, – сказал Вадим. – Пятнадцать лет строгого.

– Довели страну... – сказал Башкало неожиданно, но как-то в жилу, подведя черту.

– Ну, раз пятнадцать лет строгого, то отставить базлать, – сказал Петрович. – Ты докурил, Вася? А ты доел? Встали все. Свержин, возьми термос и набей его землёй. Пальцами утрамбуешь, чтоб всклень! И пробкой сверху. И в сторонку аккуратно брось, а лучше катни. А ты, товарищ прапорщик Вася, дорогой мой человек, – на тебе по-прежнему вешки. Все три с половиной. Уговорил, сломанную я понесу. Но остальные ты уж не вырони, именем трудового народа тебя прошу. Собери в охачку да баюкай. Нежно. Там будет что огородить.

«Со стопроцентной вероятностью приобретают опасные свойства металлические или стеклянные, цилиндрические полые, открытые с одной и более сторон предметы снаряжения и быта любой длины и диаметром более пяти сантиметров... – пародируя секретного инструктора в фехтовальной маске завыл Бубнилда. Вадим даже переносицу потёр, – как-то: порожние банки и бутылки, кружки, снарядные и зенитные гильзы, и прочие, тому подобные, объекты технологии...»

Вадим пихал в термос глину, а голос Петровича еле пробивался сквозь бубнёж маленького человечка в мозгу, и пока термос не наполнился «всклень», Вадим не сумел унять Бубнилду. К счастью, Петрович решил всё повторить, дождавшись приведения места привала в безопасное состояние.

– Внимание, группа. Слушай боевую задачу. От этой вот, – Петрович показал на «триста двадцать четвёртую», – есть отнырок от трека. Неизвестный командованию. Направление – туда. – Взмах тростью-посохом. – Метров четыреста по земной карте, а фактически километра полтора. Опять под насыпью. Место чудное. – Он почесал под подбородочным ремешком. – «Гитика» ты сказал, Свержин? Пусть будет «гитика». Покажу тебе настоящую гитику. Большую и сложную. Если вернёмся – не болтать, что видали. Башкало, это я тебе прежде всего говорю. Как раз пятнадцать лет и получишь.

– Слышь, Николаич, ты это, ты не гнал бы, ты притормози... – нервно начал Башкало.

– Рот закрой, Вася, руки твои дырявые, я при салаге тебе говорю. Порядок движения меняем. Свержин, идёшь рядом, полностью на «рисках». «Рискую» я, ты мне их подаёшь. Теперь дальше. На этом тречке будет место, где нельзя говорить, шуметь, топтать, молиться. Ни звука! Смотришь только на меня и повторяешь каждое движение. Башкало, ты – десять стандартных позади всё время. Задача ясна?

Вадим кивнул. Бубнилда молчал в заинтересованной тональности.

– Так точно, мне ясно, – сказал Башкало, маясь. – Но ты бы объяснил хоть что, Николаич...

– Дойдём – сам всё увидишь. Не поймёшь – объясню дома. В Зоне – без вопросов, забыл? Вроде ты не первоход, Вася, – выразив в последней фразе удивление, сказал Петрович.

– Так там особо опасное что-то, я не понял? Приказ-то у нас выжить...

Петрович прекратил терпеть.

– Прапорщик Башкало, отставить базлать! Задача поставлена, ясна. Выполнять поставленную задачу. Тут везде особо опасно. И советскому народу ты, Вася, полторы тысячи в месяц по двести рублей за каждый выход отработать должен. Салага у нас, похоже, идейный, я по уставу живу, а ты что-то слишком много про деньги говорить стал последнее время. Всё, вопросов нет. Равняйся, смирно. Вперёд, контрактничек. До моей команды порядок движения уставной. Шагом марш.

Вадим шагнул и упал в реку.

В реке было хорошо. И мир, через который текла она, был хороший. Тёплый, безопасный, навсегда домашний. О галлюцинациях новичков предупреждали неоднократно. Предлагалось всё происходящее в них запоминать и по возможности считать секунды объективного времени. Миссисипи-раз, миссисипи-два, миссисипи-три... А потом в обязательном порядке воспоминания описывать в отчёте. Медленная, не очень широкая река в джунглях. Тягучая река, мощная река, течёт издалека, давно, долго. Амазонка? Что это за джунгли? Откуда я знаю, сказал Бубнилда, что я тебе, специалист по джунглям, что ли? Река течёт величаво, как манная каша. Ощущение покоя и безопасности, мира во всём мире. А крокодилы и пираньи? Нет их здесь. Уж очень вода чистая и вкусная. Вверх по течению, в полукилометре от Вадима, река делала поворот (он воспринимал это как «река вытекает из-за поворота»), и из-за поворота вдруг показались какие-то доски, спасательные круги на стенах, удочки и открытые двери, всё сверкающее на солнце, белое, какое-то чеховское, дачное, как в театре. Вот так так, сказал Бубнилда, плавучий дом. Квадратный, как коробка, дом на плоту, с верандой, плетёными стульями, занавески в дверном проёме... Кто там сидит на веранде? Двое? Или один сидит, а второй у перил, в воду поплёвывает?

С поверхности непонятно.

Миссисипи-двести восемьдесят пять, миссисипи-двести восемьдесят шесть, считал Вадим прилежно.

– Свержин, стоп!

Вадима бросило обратно. Он остановился и сильно хлопнул себя ладонью по глазам, пытаясь протереть их.

– Стоп была команда! – всё-таки повторил Петрович. – Внимательней на треке. – Вадим слышал его шаги, вот Петрович приблизился и встал рядом справа. И только тут зрение словно прочистилось от речной манной каши, и Вадим понял, что чуть было не уткнулся в фирменный туман Зоны. Атмосферное сгущение.

А я увидел его ещё давно, секунд пятнадцать назад, сказал Бубнилда. Но ты заставляешь меня считать там, смотреть здесь, друзья с друзьями так не поступают! «Ой, заткнись!» – чуть не сказал вслух Вадим.

– Ну ты, бампер, как тебя, Свержин, внимательней нужно, – произнёс Петрович негромко и неожиданно незлобиво. – Видишь старую «риску», лежит? Бросаю рядом.

Небольшая гайка, на десяток метров лёту, с привязанной марлевой полоской, не очень длинной, прочертила пространство и вошла в туман. Туман мигнул, сразу, весь, всем своим телом исчезнув на мгновение.

– Понял, как оно, фенимор?

Вадим полностью вернулся с реки. Исчез вкус воды на языке, стояли острые телевизионные блики. Ещё секунду держалось автоматическое желание попрыгать на одной ноге, вытряхивая воду из ушей. (Кстати, да, набрал воды в ухо.) Полностью заработала краткосрочная память, и Вадим, сосредотачиваясь на реальности, сказал:

– Да. Вижу. Б-блин! Ну и дела. Тумана же нет на самом деле?

– Так точно. То-то. Вот этого, конкретного, – нет. Тут, короче, с глазами что-то делается. Вот такие места и подстерегают. Гитики, мать их. Врачи говорят – в мозгу скачок, что ли. Видим не так, иногда вообще не видим. Но чуйку у людей Беда проявляет особую, если повезёт. Если есть она – даже ты, первоходка, сразу отличаешь настоящий туман от... ну от того, что в мозгу. Но бывает и как сейчас – никакого тумана нет, ни в мозгу, ни в натуре, а всё равно дистанция реальной видимости – несколько шагов. И никакая чуйка не поможет. Вот отступи назад на шаг.

Вадим осторожно подчинился. Туман исчез.

– Нет тумана, а «риски» есть, правильно?

– Да.

– Даже не отступай, а так, телом назад отклонись на месте.

«Риски» исчезли.

– Понял? Обе нет. Фокус-покус. А они есть, я их отсюда вижу. Это называется «сморгнуть туман». Вот такая вот тварь неизвестной природы эта наша Беда-Матушка... Чуйка – чуйкой, а внимательность и осторожность – основное. Как на минном поле. Слушай, Свержин, – сказал вдруг Петрович, – ты ж женат, чего ты сюда попёрся, дурила? Дети есть? Сюда иди.

Вадим молчал. Петрович повернул к нему голову, взялся за козырёк и вздёрнул кепку так, что козырёк уставился в зенит.

– Есть. Дочка, – сказал наконец Вадим. Ну вот зачем ты, начальник? Чего ты вдруг доколебался?

Петрович покивал.

– Ты после дембеля пацан. Тут тащил, на полигоне. Лет тебе двадцать, двадцать два. Дитю годик-два? Ни жилья своего, ни помощи никакой, правильно?

– Товарищ старший прапорщик...

Петрович замотал башкой: молчать, щенок!

– С-слушай меня, дурак, – полушёпотом заговорил он. – Слушай, что тебе говорит старый старший прапорщик Петрович, я ж тебе в отцы гожусь. Вот что. Есть у меня знакомые в штабе карантина, давай актируем тебя по дурке, и в печку твой контракт, и бежи отсюда к дочке! Людей, бедованов, тут навсегда, пожалуй, заперли, а ты-то не местный! Беги отсюда, пока и вас не прописали навечно! Я тебе денег дам, пять тысяч! Я серьёзно. Если выйдем живые с выхода – беги со всех ног отсюда! Там, на Земле, такие дела завариваются, биржи, совместные предприятия, американцы тоже люди оказались, посмотрели мы на них тут... Голова на плечах у тебя есть, руки есть – проживёшь, и будет с чем начать тебе, с моей копейкой! Здесь – Зона, сынок, Матушка-Беда, смерть, без вариантов, или того хуже, тюрьма вокруг. Хуже войны здесь будет. Крови будет по локти. Дикий Запад, и вохра сверху.

По спине Вадима, под рюкзаком, прошло странное ощущение, как будто пальцем с нестриженным ногтем провели. Ощущение относилось к молчащему сзади Башкало. Молчаливый какой Башкало стал на этом маленьком «отнырке»... Почти даже деликатным.

– Ад здесь будет, – сказал Петрович. – Я по душе тебе советую, без подвоха. Жена, дитё, а ты сюда...

– Товарищ старший прапорщик... – опять сказал Вадим.

– «Николаич» мне говори... Ты не спорь! Ты не спорь! – Петрович сплюнул. – Морду кривит, смотри-ка. Я тебе дело говорю, парень, а ты морду кривишь... Я ж таких вот вас в

Афгане только и делал, что хоронил, и в Зоне только и делаю, что хороню, а скоро стану сам вас убивать...

– Николаич, товарищ старший прапорщик. Спасибо. Я понял. Мне нужно быть здесь. Понимаете? Давайте дальше идти, товарищ... Николаич.

– Ты что, решил, я тебя на шивость бабками проверю сейчас, щенок? – зло спросил Петрович.

Вадим так удивился, что почти обиделся. В кои-то веки не заподозрил советского прапорщика в подлянке – и получил за это тут же. Петрович прочитал это и как-то ссутулился. Видимо, это было «извини».

В неуставную неловкость впёрся Башкало, которого, наконец, пробрало. Или замутило.

– Э, ну что вы там?

– И-э-эх, дети! – сказал Петрович очень не по-военному. – Ну и хер с вами. Вперёд, с левой ноги, к «рискам», обходим их я слева, ты справа. Не наступать. И дальше – молчим, понял, пацан? Башкало, отсюда молча продолжаем движение! Как понял?

– Я-то понял... – откликнулся Башкало.

– Ещё метров сто по карте, объективно полкилометра. Увидишь, как оно здесь бывает и что здесь есть. Нужно ему... – пробормотал Петрович не для Вадима, а себе под нос. А Вадиму сказал: – Думай! И вперёд пошли, давай, рядом.

Они подошли к цели через двадцать минут, израсходовав дюжину «рисок» и найдя столько же старых. Вадим отметил про себя, что Петрович так и не приказал поставить ни одной вешки. Справа так же тянулась железнодорожная насыпь, и всё было так одинаково и обычно, степь, пасмурное летнее небо, насыпь, но так длилось-длилось и тянулось-тянулось, что опять можно было вообразить себе от скуки, что они внутри «комбинированной съёмки», идут на месте на фоне барабана с накрашенным на нём пейзажем.

Цель обозначил собой труп. Или увенчал, как мог бы сказать Вадим, если бы он был начитанным парнем. Труп выглядел жутко. Вадим попытался понять, в какой позе человек умер. Груда переломанных костей в ОЗК. В одном комке. Вадим изменил позицию, сделал шаг вбок, Петрович бормотнул машинально: «Аккуратней передвижения». Вадим понял. Погибший сидел спиной к ним, вытянув ноги, и ноги эти, словно пластилиновые, размазаны огромным пальцем по земле на пять метров вперёд, обрывки ткани штанин, целые носки шерстяные, сплюснутые ботинки. А голова в собачьей шапке провалена в торс. Над шапкой торчит погнутый ствол АК-47 с презервативом на пламегасителе, как делают богатые американцы. Руки, как у сломанной марионетки, лежали, по сторонам сплюснутого торса, ладонями вверх, будто человек, умирая, всплеснул руками, и они оторвались от плеч.

– Кто это? – спросил Башкало негромко.

Петрович ответил не сразу, и ответил поверх исполняемой работы по обследованию местности. Присев и оглядывая ближайшие к ним метры квадратные степи, сказал через минуту-полторы:

– Знакомьтесь. Кандидат в доктора наук Малютин Лёха. Москвич. Совершили мы с ним открытие. Впервые в мире обнаружили и исследовали участок гравитационной локальной аномальной, сука, интенсивности и этого... вектора направления. Тоже, сука, аномального. Вроде всё правильно сказал. Ну, здорово, Лёша-кандидат... Главное, говорит мне: понимаете, товарищ Петрович, всё дело в марле! Мы же, говорит мне, не в вакууме, гайка изначально тяжелей, поэтому, говорит, горизонтальный, что ли, вектор аномальной гравитации успевает... ну, схватить марлю и потянуть, как я его понял. И плотность воздуха. И это возможно увидеть невооружённым глазом. Это, говорит, мы и должны зафиксировать. Вы сейчас будете бросать, а я всё сфотографирую... Лёша называл эту штуку «прокруста». Был такой древний грек-садист. Мы здесь с ним, то есть с Лёшей, были четыре раза. Обжились даже... Вон наше кострище... Приборы таскали, да впустую. Всех измерений у Лёши и вышло – пружинные весы работали,

дымовухи, пёрышки гусиные да марля на «рисках». А какие-то ящики с электричеством – ни черта. Да вот ещё фотоаппарат. Тогда можно было оптику, не сжигало глаза. Но фотоаппарат-то Лёху и погубил... Ладно. Группа, свободно. Обозначаю пределы безопасности. Вот отсюда – вот досюда. Кострище. Безопасно. Левее пятнадцать метров – неизвестно. Поняли?

– Так точно, – хором вразнойой сказали Вадим и Башкало, и старший прапорщик вытащил свои королевские «родопи» и угостил Башкалу. Покуривая, Петрович продолжил:

– Но всё равно Лёха тетрадок десять по девяносто шесть копеек тут исписал. А их, видишь, теперь и достать нельзя... – Петрович закашлялся. – Они в рюкзаке у него... По два, по три дня тут жили. Стульчик Лёха с собой таскал.

Вадим заметил стульчик: складное сооружение из стальной проволоки с мокрым брезентовым сиденьем.

– Он погиб, меня под следствие. Пришлось сюда особиста сводить, чтобы не сесть за убийство ведущего научного сотрудника. Ещё полгода назад за потерю бойца в Зоне посадить могли, знаешь такое, новый? Пьёт сейчас тот особист... Начерно, до смерти. Говорят, вплоть до увольнения судом офицерской чести. И докладные пишет на обивке палаты. Пальцем.

– Ну понятно, Николаич, – сказал соскучившийся Башкало. (Интересно, у него от усов рвотой не воняет? – подумал то ли Вадим, то ли Бубнилда. Свербело в носу от присутствия Башкалы.) – Мы полюбовались, – продолжал Башкало, счищая пепелок с сигареты мизинцем. – Земля пухом, кости всмятку. А нас зачем сюда притащил? Гуся нашего попугать? Я же всё слышал, как ты ему пять тысяч сулил. И акт по дурке. Макаренко.

– Слышал, говоришь? – переспросил Петрович. – Ну, слышал и слышал. Бывает в Зоне. Шёпот, как в церкви. Поэтому тут так важна деликатность. Знаешь, Вася, как в тюремной камере?

Он вдруг хлопнул Башкалу по плечу, сжал плечо своей граблей и рывком развернул куска к себе, едва своей сигаретой не угодив ему в глаз.

– Нет, Вася, мы сюда не за тем пришли, не за страхом. Будем мы сейчас науку делать, понял? Что Лёха не сумел, а мы сумеем. Тут не в тяжести дело, тут другое. Ценное. Ты поймёшь.

Прапорщик Башкало вырваться не пытался. Он даже и не испугался видимо. Он курил, поднося к усам сигарету сбоку и выдувая дым в сторону, и глаз не отвёл.

– Лёша-кандидат одну штуку высчитал и мне объяснил, хочу я её проверить, наконец, – сказал Петрович. – Если он верно придумал – денег зашибём. Учёные удавятся. А ты, Вася-куркуль, мне поможешь. Проверить.

Послышался звук мотора. С той стороны насыпи, с бетонки. Вадим бросил смотреть на театральную сцену «кто кого перепузырит» и даже на носки привстал, пытаясь разглядеть едущий механизм.

– Товарищ старший прапорщик!.. Едет кто-то!

А ехал мимо них пятичасовым рейсом ровно три года назад, летом тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года автобус ЛИАЗ, пассажирский транспорт в/с 20224. В этом автобусе сидел рядом с доктором Вяткиным сам Вадим, рука у него была сломана, болела до белых точек в глазах. Везли его, рядового черпака, в госпиталь, и не помнил он сейчас, но показалось ему тогда сквозь боль, что за насыпью какие-то три фигуры стоят вооружённые, но автобус тряхнуло, фигуры пропали, рука болела, и Вадим забыл, забыл, забыл о них...

Вадим очнулся.

Прапорщик Башкало лежал на земле навзничь, спокойно смотрел на нависшего над ним Петровича и продолжал курить окровавленным ртом. Вадим замер. Драку он пропустил напрочь. Противостояние из партера длилось, наверное, ещё с минуту. У Башкало кончилась сигарета, дотлел до фильтра аргумент. Он поднёс его к окровавленным усам, уголёк упал с

фильтра, пшикнул в крови, Башкало скривился, сплюнул в сторону и раздавил фильтр пальцами.

Старший прапорщик Николай Николаевич по фамилии Петрович, стоя над ним, молчал.

– Товарищ старший прапорщик!.. – сказал Вадим. – Автобус вроде проехал.

– Да тут бывает, – ответил спокойно Петрович. – Ездют. Призраки. Ясный хрен. Восемь тысяч восемьсот шестьдесят два человека. Пропавших без вести. Только в городе. В один час. Ни одного тела не нашли. Конечно, призраки. Навалом тут призраков должно быть. Восемь тысяч восемьсот шестьдесят два призрака, включая женщин и детей. Плюс шесть тысяч двести два офицера, прапорщика и солдата срочной службы в степи. Не считая неучтённых колхозников и прочих на точках... А иногда и не призраки ездют. Бывает! Отставить базлать, рядовой. Василий! Обращаюсь к тебе лично. Ты понял меня, Василий? Или опять отказываешься выполнять боевой приказ?

– Слышь, салага! – так же спокойно и так же не шевеля ни членом единым сказал Башкало из партера. – Он рехнулся, в натуре. В карантине давно молва идёт, что Коля Петрович рехнулся. Выходит с группой, а с выхода один. И вишь ты, говорит, главное, что сажать за это перестали. На слово стали верить. Погибли при выполнении спасательной или разведывательной операции в районе стихийного бедствия неизвестной природы. И нам же с тобой он сейчас и говорит это. Понял, гусила? Слышь, Николаич, а я не верил! – сказал Башкало Петровичу. – Я одному в морду дал за такие слова! Ты же меня знаешь, Николаич, в одной части служили вместе! А оно вон как. Оно правда, оказывается. Вышел с группой, вернулся один. Ты их хоть убивал? Или заводил да бросал?

– Ты отказываешься выполнять боевой приказ по научному исследованию указанной аномалии? – настойчиво спросил Петрович. – Ты скажи прямо, что ты ёрзаешь как баба, товарищ ты прапорщик советской армии?

– Товарищ старший прапорщик! Давайте я пойду! – сказал Вадим.

Башкало облизнул губы.

– «Николаич» – мне говори, салага, – сказал Петрович.

– Всё, Николаич, всё. Я иду, – проговорил Башкало. – Всё нормально. Руку надо бы тебе перекинуть. Вон как ссадил.

– Тогда встать, товарищ прапорщик. Приготовиться к постановке задачи. Тебе конкретно.

И он как ни в чём не бывало повернулся к Башкале спиной и подошёл к ясной пока только ему границе «прокрусты». Останки учёного были едва ли не в шаге от него.

– Я всё помню, Лёша, всё... – сказал им Петрович. – Эй, ты, фенимор! Слушай, новый, как тебя, Свержин, внимательно. Эта... как её, пса, бля?! Гитика эта – она, по Лёшиным расчётам, двойная. Стоит восьмёркой, два стакана впритык. Два нолика. Дай-ка мне мою палку, салага.

Вадим поднял черенок, подал. Прапорщик Башкало тоже подошёл, вешая автомат на плечо, напряжённый, внимательный, очень собранный. Вадим чихнул при его приближении.

Старший прапорщик рисовал на земле концом щётки.

– Вот так вот. Этот «нолик» – ближний. Лёшин. А вот так к нему второй. Я его в первой же ходке обнаружил, когда обходил тяжёлое. Как бы «восемь» на боку. Они метров всего десять в диаметре каждый и одинаковые. Чуть обойти слева на «рисках» – безопасно. Я обходил. Сказал уже? И вот между ними заметил я тягу, как в хорошей печке. Начинается она при броске «риски». Тянет дым куда-то. Сколько мы там всего пожгли...

Он сунул палку Вадиму, достал из какого-то из карманов бумажник, из бумажника – обломок расчёски, бумажку, и, продолжая говорить, быстро смастерил детскую дымовуху.

– И Лёша выяснил, что там, где между ними, «прокрустами», стык и тяга, есть что-то странное. По виду – как эффект «невидимки», при воздухо-воздушных спецэффектах, при

кислородных, при газовых. Шаг вперёд – есть что-то, шаг назад – не видишь. Фокус-покус, наподобие как я тебе показывал, Свержин, с «рисками» и туманом. «Риски» в дырке просто исчезают, но не бұхает ничего, как было бы, если бы в тяжесть упали, но ничего такого. И вот Лёша додумался бросить туда «кошку» и потянуть обратно.

Вадим («Фенимор, или уже Фенимор с большой буквы Фэ? А?» – высунулся Бубнилда) слушал Петровича как космонавта Макарова. Безумие и заразно и заразительно, а старший прапорщик Николай Николаевич Петрович сейчас, судя по тону и виду, действительно пребывал совсем не в себе, как всякий, кто творит (или воображает, что творит) историю или подвиг.

Из того же бумажника Петровича появилась обёртка от сигаретной пачки, обклеенная по бокам синей изоляцией. Петрович сначала показал её Вадиму, а потом дал в руки. В обёртке Вадим разглядел сухой сизый цветочек и кривой стебелёк какого-то растения с острыми листочками на стебельке. Уставился на Петровича. Петрович ухмыльнулся.

– Беннеттит! Понял, Фенимор ты мой? Древний цветок, короче. А ещё точнее – протоцветок. Вот что мы «кошкой» вытащили. Живой протоцветок. Лёша две бутылки выпил на моих глазах как воду. Двести миллионов лет назад... или когда это там было. Меловый период Юрского периода, понял, сынок?.. В этой дыре – меловый период! Понял?

Он вдруг оборвал себя, перестал улыбаться и поднял палец, и сказал озабоченно.

– О! Слышишь? Стреляют где-то.

«Где-то» рядом щёлкнул предохранитель.

Вадим навсегда запомнил, что после первого попадания на лицо старшего прапорщика вернулась улыбка, и каждая из следующих четырёх пуль, прошивавших Петровича со спины, делала эту улыбку всё шире, всё веселей, всё искренней.

– Дыра времени там, понял, сынок? – сказал Петрович, булькая и умирая стоя. – Я сам... о***... уу... как воду...

И он умер и повалился набок по стойке «смирно».

Башкало перевёл курящийся зрачок пулемёта на Вадима. Вадим переступил с ноги на ногу. Башкало тихо залаял:

– Стоять, сыняра! Он – спятил. Он заслужил. И получил. Он труп. Всё! А теперь ты. Вопрос! Мне так тебя класть, сучок, сразу рядом, или с пользой для науки? А, контрактничек? Хочешь ещё помучиться? Решай сам, предоставляю. А пока автоматик тихонько на землю. И палку, палочку тоже брось. Ф-фенимор, блядь, сука!

Тьма смотрела на Вадима не мигая, без дрожи, дымок иссяк, руки Башкалы были верны, и Петровича убивал он не в истерике, и Вадима был готов убить чётко, сознательно. Собственно, лекцию по «вышел с группой, вернулся один» он читал себе, не Петровичу. Нынче не сажают. Вадим чихнул. Ты не умрёшь, сказал Бубнилда Вадиму. Тебе нельзя. У тебя девчонки. Ирка да Катенька. Да и Житкур не велел.

– Не стреляйте, товарищ прапорщик, – сказал Вадим спокойно.

– А то что? – невпопад спросил Башкало, задравши подбородок.

– А то некому будет вытаскивать из дыры живые растения, двести миллионов лет назад сдохшие. Я не соображу даже, сколько они могут стоять. Даже если по копейке за год.

Башкало зафыркал. Вадим чихнул.

– Будь, сука, здрав! – сказал Башкало с издёвкой. Он действительно был спокоен, на взводе, но не оголтел. Он работал. – В Зоне всё возможно, это ты прав. Уссышься про войну! Пятиэтажки летают, воздух людей режет, техника сама ходит. Километр месяц идти можно, как на аэродроме от ангара-три до метеобудки. Почему бы и во времени дырке не быть? Научная фантастика. Но если ты, фениморка, сейчас же автомат на мать сыру землю не спустишь, падла...

Вадим шевельнул плечом, автомат сполз, прислонился к ноге. Вадим шевельнул ногой, автомат упал.

Кепка Башкалы одобрительно качнулась. Но пулемёт не двинулся, как влитой в пространство. Вадим уже устал не моргать, глаза резало.

– Ну и всё остальное. Рюкзак, куртку. Нож, пистолет. Медленно. Противогаз тоже снять.

Наблюдая за разоружением оставшейся в живых стороны, Башкало присел на стульчик Лёхи-Аспиранта. Посидеть и Вадим бы не отказался. Но РПК вместе с хозяином следил за малейшим его движением, и предохранитель был снят. Стульчик учёного был, видать, крепкий. Сначала Башкало сел осторожно, но, когда Вадим снимал прибор ИП, Башкало как-то поверил в силу стульчика и, подвигав задом, расселся вольготно, расставив ноги, всем центром своей тяжести. Расстояние до него от Вадима было три-четыре хороших плевка, но и труп Петровича лежал поперёк директрисы, и вещи Вадима. Брус Ли только и смог бы перепрыгнуть всё это, обойти встречные пули. Приёмом «комбинированная съёмка».

Вадим остался в пэ-ша, в чулках ОЗК поверх хваленых американских ботинок. Ему становилось зябко, но он стоял неподвижно и ждал. Мёрз, стараясь не дрожать. Принюхивался и (уже привычно) двигал пальцами у бёдер, хотя бы так проверяя внешнюю обстановку. Чихнул два раза, но не от холода, а Башкало всё сильнее свербел у него в носу. Башкало вдруг достал откуда-то бутылку водки, откупорил и начал мерно поглатывать из горла, следя за Вадимом одним глазом. Вадим поёжился, когда бутылка опустела. Башкало уронил её перед собой и ловко раздавил каблуком.

– Будешь? – спросил он, извлекая вторую. – Водка в Матушке и правда вода, но тебе – по обстоятельствам – не лишне и водички?

– Нет.

– «Никак нет», Аника-воин. «Нет» говорить надо было дома, маме. Ну раз «нет», то приступай к выполнению задания. Поставленного героически павшим старшим прапорщиком. Посмотрим, что там за двести миллионов... копеек.

– Нужно взять кое-что, – сказал Вадим, показывая на труп Петровича, сильно подмокший кровью.

– Да херня вопрос, бери, – Башкало вдавил доньшко полупустой второй в землю и прицелился, держа пулемёт обеими руками.

Мертвецы Лёха-Аспирант и Петрович оказались совершенно правы. Несколько дымовух обозначили «восьмёрку» «гитик» прекрасно, как на уроке. Вонючий дым стлался по границе «локалей аномальных гравитационных интенсивностей неизвестной природы», ясно обозначая их.

– Двести миллионов копеек... Какой-то засранный младший научный сотрудник получает на руки чистыми четыре тысячи сто восемьдесят пять рублей в месяц! – провозгласил вдруг Башкало откуда-то из прошлого мира. Там тоже, оказывается, мыслительный процесс шёл, двигался, набирал обороты, матерел, приходил к выводам и высоко обобщал. Но Вадим даже не обернулся, замороженный почти живыми извивами дыма. Это было сродни (не похоже, а сродни) как если рисовать табачным дымом на солнечных лучах, бьющих сквозь щели в тёмную сарайку.

– И сидит в своих палатках – на счётах щёлкает, ты понял?! Мэнэсишка поганый! По имени-отчеству, говорит... А у академика тогда сколько – по сту тысяч в месяц? Да я их маму топтал с вашим Горбачёвым вместе. Кто треки провешивает? Академик? Кто приборы таскает, кабеля? Мэнээс? Кто отсюда банки-воронки-ништяки носит-выносит? Горбачёв? Ни-хе-ра! Я! Я на аэродром выходил, я к объекту «Житкур» выходил, до половины дошёл с Пашей-Мазом! (Тут Вадим насторожился на секунду. Да-да-да, сказал Бубнилда, «Паша-Маз», я записал.) И мне, мне! – двести рублей за выход с вычётами. И где я их тут потрачу? Карантин? На хер ваш карантин.

А может быть, подумал Вадим, обращаясь к Бубнилде, это не две гитики, а одна? Или система из двух, подхватил Бубнилда. Система даже, наверное, лучше, согласился Вадим. А

когда она одна – это брак, сказал Бубнилда. Да ты у меня астроном, сказал Вадим. Бубнилда самодовольно хмыкнул. Вадим поджёг ещё пару частей расчёски и подбросил их, одну справа, заполняя разрыв дымного обруча, вторую прямо в центр дыры, и она исчезла. Вадим встал на колени, наблюдая. В месте соединения частей «восьмёрки» дым рисовал трубу изнутри, ускорялся, плотнел... и вдруг обозначился перед Вадимом вертикально стоящий здоровенный круг. Вадим вскочил и отскочил на пару шагов, совершенно обалдев.

– А мы давно с ребятами уже говорили. Многие недовольны! Не дело это потому что. Мы тут, в Зоне, среди Беды, основные, нам и плати. А тут вас вдруг нагнали, видишь ли. Учи вас, тащи вас, делись с вами боевым опытом. Вот и доучили! На голову сели, вместе с такими же психами, как наш покойный старший прапорщик Петрович. Бампером меня хотел пустить, с-с-ыка. Меня! Гусь ему значит полуторатысячный показался, а меня, старого разведчика, решил пустить бампером в тяжёлое место. И за что? Вешки потерял! Я их и не терял... Ну, что ты там, контрактник? Ни хрена себе!

Вадим обернулся. Башкало стоял, опустив пулемёт, пялился на дымовую арку в пространстве, отвесивши челюсть, насколько позволял подбородочный ремень. Впрочем, оправился он быстрее, чем Вадим.

– Стоять, стай-ять! – сказал он, взяв Вадима на прицел снова. – Спокуха, сын. Да-а-а... Гитика, бля! – воскликнул он тихонько и весело. – Дыра во времени. Ну... Ладно. Готов к труду и обороне, товарищ путешественник в прошлое?

Вадим представил, как Башкало видит его, Вадима, так сказать, в общем. На фоне дымовых узоров, в центре главной арки системы гитик «Дыра Времени-1». Красивая мишень. (Бубнилда засмеялся.)

– Я-то готов, – сказал Вадим громко, обрывая этот, не слышный никому, кроме него, смех. – А ты-то, кусяра, готов?

– Не ссышь, короче, да? Смелый, да? – сказал Башкало осклабясь, с удовольствием. – Ну говори, говори, бампер. Последние речи. Старший прапорщик Петрович был добрый, а прапорщик Башкало злой. Ни-хе-ра тебе, щенок, не понять меня. И смысла обстановки ты не понял. Лежал бы сейчас я труп, а Николаич водку б пил, – для тебя бы не влияло. Ты что, думаешь, он – лучше меня? Да он здесь замочил больше наших, чем духов в своём Афгане! Это ж зверь был, у него душа была мёртвая!

Вадим перестал его слушать. Башкало это сразу заметил.

– Ну ты бурый, да? – сказал он по-над прицелом. – Ну так давай, давай, давай, вперёд... носок ты с чуйкой кожаный. Принеси мне доисторических ништяков, кошка двухногая ты моя. Цветочков. Динозавриков. И посмотрим, что с тобой потом делать. А не выйдешь – значит не выйдешь. Гранатку тебе вдогонку. Ты же не знаешь? Как раз «прокрусты» очень отлично взрываются. Как ты думаешь, мы почти полпути до аэродрома сделали? Там этих тяжестей было... Отставить, – сказал он сам себе. – Давай, Свержин. Добрый путь.

Вадим отвернулся, глядя на вход в дыру, то есть на степь, обрамлённую дымовой каймой. Потихоньку, сначала рукой попробовать, несмело предложил посерьёзневший Бубнилда. Вадим покачал головой. Нет. Пошарил у пояса, вытянул из зажима очередную полоску марли.

– Э, э, воин, без шуток у меня!.. – провозгласил Башкало с выражением.

Вадим показал ему над плечом марлю. Башкало замолк. Вадим завязал на одном конце несколько узлов – один поверх другого, сунул образовавшийся колобок в рот и стал пускать в него слюни. Намокший колобок довольно увесисто для самоделки нагружал полоску, делая «риску» управляемой, но без грузила, без гайки. Почему-то это казалось сейчас и здесь важным, чтобы было без железа. (Снова мелькнула мысль про первого пробежавшего сквозь второй вагон.) Держа «риску» на вытянутой руке, Вадим стал раскачивать её вперёд-назад. Вот колобок коснулся дыры, как будто поверхности вертикальной лужи, никаких волн не побежало,

но марля сразу же натянулась, Вадим разжал пальцы, и дыра её всосала. И Вадим, не сделав и прощального вдоха, пригнувшись, шагнул следом за ней. И исчез.

Подождав минутку, прапорщик Башкало облизнул слипшиеся от крови усы, припустил ствол пулемёта и сказал в пространство:

– Ну и, сука, чё? Ну и, сука, всё?

Вадима в это время двести миллионов лет назад глушило огромным солнцем, огромными влажными тяжёлыми запахами, одновременно подсекая под колени, сбивая с ног и подбрасывая, и он, зажмурившись, не больно, но увесисто грохнулся на левый бок и левое плечо, как будто назад и влево его рванули. Он точно знал, что уже упал, грянулся о землю, но внутри всё продолжало лететь, качаться, ухая холодом в районе низа живота... а то местечко между ушами, где там центр равновесия в мозгу расположен, одна огромная мокрая шершавая рука схватила это местечко, смяла в колобок и на другую огромную мокрую шершавую ладонь перебросило. И обратно. И снова. И всё это вживую, никаких признаков потери сознания. В голове было ясно-звеняще, и эту-то звенящую ясность бросали из стороны в сторону.

Он ждал. Вслепую паника пяти чувств улеглась. Появились сигналы от периферии: мокро! – сообщили ему. Он открыл один глаз и сразу увидел склонившийся перед носом доисторический цветок беннетит на стебельке. Вадим рывком сел. С одним глазом как-то не кружилось.

Он сидел в заросли воллемии, перед ним дымила его последняя «дымовуха», висели на стебельках странных трав грязные марлевые полоски, в том числе и его чистая, с колобком, намоченным слюнями. Видны были и несколько ржавых гаек, набросанных Лёхой-Аспирантом. Солнце мощно давило сверху, было очень жарко, воздух горчил, и его надо было буквально пить, а не вдыхать, такой он был плотный.

– 14 июля 64 765 563 122 года до нашей эры, – вслух, не скрываясь, громко сказал Бубнилда. – Не двести миллионов, но тоже ничего. Пожалуйте бриться, как папа говорил.

Вадим оглянулся. Сзади была куча какого-то папортника, из которой торчало какое-то бамбуковое дерево. Не бамбуковое. Динозавровое, в чешуе. Слева, в проёмах нефокусирующегося в глазах остролиста, блестело то ли волосатое озеро, то ли просто залитая водой саванна. Всё блестело нестерпимо, всё было влажным, везде стояли радуги. Справа были непролазные кусты. Не кусты. Что-то зелёное и непролазное. Затерянный мир, «чёрный» Конан-Дойль в восьми томах. Всё это Вадима не интересовало, потому что он уже опомнился. Его интересовал выход. Отсюда, с этой стороны дыру во времени ничего явно не обозначало, но намокшую спину сильно холодило даже на этой жаре, сквозило из Зоны. Дыра была, и дыра была открыта. Вадим удивился: разница температур очень большая, десятки градусов, должен же быть пар, парить же должно, как зимой у дверей бани. Но не было пара. Вадим посмотрел на мокрые грязные руки. Он сидел словно бы в луже. Земля под задницей была глубоко рыхлая, насыщенная мокрейшим перегноем, бурая вода затопляла вдавлины от ладоней прямо на глазах. Мимо лица что-то прожужжало медленной пулей, Вадим отёрнул голову. Зрение никак не могло справиться с общей фокусировкой, огромный зелёный солнечный яркий мир сразу валился набок, стоило открыть второй глаз, головокружение оставалось, и очень сильное... В животе громко чавкнуло и во рту стало мерзко, и это обрадовало. Сейчас меня вырвет, подумал Вадим, и станет легче, как на «нейтралке» при первом «поцелуе». Да, да, уже начинает быть легче.

Начинало. Не успело. Черт-те почему заиграла «монтана» на руке.

Там-та-там-та. Та-та-там. Never let me go. Там-татам-татам...

Первая организованная мелодия, прозвучавшая на планете Земля, Солнечная Система, Млечный Путь, Божий Мир, первым же тактом привлекла к сбитому с толку, дезориентированному Вадиму острое внимание молодого трицератопса, утром этого древнего дня покинувшего детскую стаю. В лес отправился молодой трицератопс, ибо настала пора для героических и опасных поисков матери своих яиц. И страшно ему было, и неуверенно, но самецкая гор-

дость жгла его со стороны интимных частей и подгоняла, и готов он был перекусывать кремни и насиловать тираннозаврих. Ну и можно ли обвинять его в том, что неуместный в своей электронной навязчивости писк часов и общая легкомысленность мелодии его взнервировали до степени «убить немедленно, фас!»? Шёл себе по Юрскому периоду юный торозавр, прислушиваясь, не мычит ли где юная самка, и тут на тебе, музыка Поултона, слова Фосдика, исполняет Элвис Пресли. Кто бы не озверел? Всякий озвереет.

Вадим не сразу отличил атакующего рогатого бегемота от окружавшей его флоры. Что его и спасло в общем и целом, когда он его всё-таки отличил, как зайчика на загадочной картинке, и понял, что десятая глава «Затерянного мира» уже началась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1990. РАЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Архив Шугишуйца (Книга Беды)

Файл «Блинчук-4»

Отрывок собственной расшифровки, стр. 1-5

(Орфографические ошибки исправлены)

(За предыдущие встречи у нас сложился небольшой ритуал общения, не хочу расшифровывать его причины. Блинчук, едва завидев меня и едва «поздоровкавшись», со сварливостью беспомощного больного человека снова и снова заводил нить, как ему неймётся сейчас, на самом смертном одре, оттого, что он так и не побывал в Зоне. А ведь мог бы. И ещё как мог бы. Да он бы своим рейтингом задавил любого Вобенаку. Или Гену-Геню покойного. А вот не сложилось. И даже сейчас, когда уже неважно, только на «нейтралке» его пустили злыдни-бедованы, трекеры, они же смаглеры самодовольные, и сопутствующие им прочие – лутари мелкие, сважники неловкие и ништячечники приграничные. Опять не дошёл до выйти, не допустили. Его-то, пятнадцать лет работавшего богом Периметра! Вот тебе и уважение, вот тебе и слава. И что уже ему сделать, кого попросить, чтобы хоть бы похоронили его там, в Бедо. В парке Старой Десятки. Вот такое у него предсмертное желание. Хоть бы ты, товарищ литератор, замолвил за меня словечко перед инопланетянами своими. Не Задницу же, своего бывшего подчинённого и протеже ему, старому генералу и майору Блинчику, просить. Ну и всё в таком духе.)

– Сергей Борисович, вы уже в третий раз из меня слезу давить пытаетесь, уж такой вы бедный, никому не нужный, старый генерал-майор в отставке. Подсидел вас проклятый Малоросликов, не подал руки кровавый Путин.

– А тебе что, лишний раз послушать нитьё умирающего трудно? Вот надо было мне тебя прихлопнуть, говнюка такого бесчувственного, как ты только в моём Предзоне явился шестого апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого года тринадцатичасовым автобусом. Послал бы кого надо, и – как комара тебя. Вообще пошёл вон отсюда! Сейчас позову доктора Вяткина, и он тебя выставит. Доктор Вятки-ин! Сюда иди!

– В третий раз, Сергей Борисович. Это уже записано и не пропадёт.

– Выкрутился. Ну, дай мне воды.

(Пьёт.)

– Так вот, меня поставили комендантом на Беду в девяностом. В ноябре. После путча, заваруха, грызня, я был тогда полковник, вызывает меня Паша Грачёв с Украины, и... И до упора, до пятнадцатого, до прошлого года... Это хоть ты знаешь, литератор?

– Это весь мир знает, Сергей Борисович. Только путч был в девяносто первом. А вас назначили комендантом Зоны в девяностом. Указом Горбачёва.

(Пауза.)

– Знаешь что, пошёл ты, умник!

(Пьёт.)

– Весь мир... Плохо я работал, если весь мир меня знает!

(Пьёт.)

– С другой стороны, я же всё-таки был как бы генерал-губернатор... Как меня тут не узнаешь... Все и узнали... Кому надо, кому не надо... В общем, я тебе вчера не говорил, позавчера не говорил, а сегодня скажу. Я за тобой, Шуг... пиуг... пиуйц... Штирлиц, мать твою! Я за тобой всегда следил внимательно, со дня как ты ко мне в Предзоне приехал с поддельной визой. Уфолог-конспиратор! Я тебя – как облупленного. Поэтому и согласился, помирая, с тобой поговорить. Знаю, что бедованы тебе доверяют, что трекаеры тебя берегут и что к Радио Беды ты лапки свои приложил и многих спас в Бедке через это дело. И что ты тут вроде как за попа-исповедника... Хотя ты и хам.

– Сергей Борисович.

– Молчать и так точно, летописец! Путч у него в девяносто первом... Ну да, в девяносто первом! А ты поддакивай да слушай, вдруг я не просто так, старый пень с раком мозга, тебе в третий раз одно и то же толкую. Про смерть, про похорона, про то, что я в Зоне никогда не был, ногой не ступал. Ну возьми ты это в толк, литератор! Может, смысл есть в повторении, ты подумай. А ты мне про путч.

– Я слушаю.

(Допивает.)

– Антипов-то всё летит?

– Летит.

– Налей ещё водички. Вкусная на «нейтралке» водичка. О чём я? Да. Соответственно, нам очень повезло, что под Зарницу американцы попали, в этом всё и дело. Никак было Зону не спрятать из-за них. Хоть и Горбачёв, и потом даже Ельцин давали и своим аппаратам, гражданским, поручения представить такие предложения, и Генштабу даже потом Ельцин спускал вопрос. Это я знаю точно. Меня ж не так просто из Чернобыля перевели на Капустин, я на всех этих их заседаниях-чаепитиях сидел, время терял прямо с самой Зарницы, с комиссии Рыжкова. Того ещё, ты не помнишь. На всех, начиная с первого, новогоднего восьмидесяти девятого...

– Простите, вы сказали: «нам очень повезло с американцами», Сергей Борисович. Кому – «нам»?

(Пауза.)

– Человечеству же, мать-перемать. Уфолог ты и есть уфолог.

(Пауза.)

– Я слушаю.

– Вот и так точно, слушай. Американцы... Что сейчас...

(Выделяет «сейчас».)

– ...нам повезло – почему, понятно. Интернационализация Зоны, хоть и под мораторием, но никуда она не денется. Но и тогда! В девяносто первом, когда сразу вмиг у меня кончились деньги – американцы выручили. И раньше, сразу. Во всех редакциях комиссии по делам Зоны сидели американцы. Сидят, скажем, Ельцин, Горбачёв, Назарбаев, и тут же Мэтлок в уголке, очки трёт. Как на работу ходил. Хотя, конечно, были и секретные заседания. Потом расскажу... может быть. Помню, тогда я с ними со всеми соглашался, мол, и карантин хорошо бы наглухо, вплоть что административную границу с Казахстаном, ещё тогда республикой, передвинуть, хотя бы тридцать километров зоны отчуждения вокруг Капустина и остального полигона, как в Чернобыле хотя бы, а лучше пятьдесят. С рекой как-то решить, мост через Ахтубу в районе хотя бы Котлов запроектировать, шоссе и железку на Астрахань через него, через пойму... и полное военное единоначалие. А деньги на всё на это, разуме-

ется, дают американцы. Вот такая шла политика... В Союзе-то, пока он не кончился, это было бы ещё возможно, хотя бы на уровне принятия решений. Не успели.

(Думает.)

– В принципе, мост-то так и построили впоследствии, а вот с остальным, с карантинном, уже не удалось...

– Сергей Борисович, перебую, я вчера так и не спросил, самое интересное вот в этих тогдашних встречах с президентами для меня...

– Так ты постоянно перебиваешь! Я же тебе сразу доложил: перебивать можно. Перебивай. Видишь же, в датах путаюсь. Хватит извиняться. И ты не джентльмен, и я не месье.

– Вы там, в Кремле, хоть какие-то другие варианты причины Зарницы рассматривали? Я имею в виду – всерьёз. Ведь уже с января девяностого были достоверные съёмки и «тринадцатого общезжития», и фалангу уже снимали в гаражном кооперативе, и штуки со временем-пространством были уже достоверно отфиксированы. А что ни одного трупа в городе – сразу было известно...

– Так точно. Но вообще речи не заходило ни про каких инопланетян, понимаешь... От них это отпалкивалось. И, соответственно, от меня тоже. Какие, мол, инопланетяне, трах-тарарах?! Неизвестная природа, и всё тут. Газовый метеорит, и баста. Ну как серьёзным людям о таком разговаривать?! И слов таких не придумано...

(Пьёт.)

– Когда Гайдар начал таскать на эти посиделки своего тестя, писателя, Стругацкого, я же видел, как их коробило. Да всех коробило. И меня коробило. Фантаст – на заседании сверхсекретной правительственной комиссии! Анекдот... Что ты пялишься? Не в баню для культуры писателюшку пригласили, а взрослое серьёзное заседание, под стенограмму... Вот Гайдар, да, он серьёзно это рассматривал, помалкивал только. Хитрый он был, умный парень. А Натанович этот, он вроде и фантаст, но в прошлом военный, причём, наш военный, особый... И он умно себя вёл. Произвёл впечатление. Сидел вроде со своей палочкой, а как что ни скажет, так всё в жилу. Это же он посоветовал объявить бессрочный карантин, построить для бедованов лагерь и ни-ни из него никого наружу... А тех, кто уже выехал, к родственникам там, по линии программы переселения – обратно. Невзирая на звания. Там такое началось, что-о ты! Все охренели. Но сколько раз я потом готов был ему свечку поставить за это! Но ведь сначала – как они на него все лаяли... В один голос. Да и я лаял, дурак. Не тридцать седьмой год, мол. Демократия, права человека. Новое мышление. Это же тогда не слова были, вот в чём дело.

– А Мэтлок? Он при этом был?

– А Мэтлок слушал-слушал, дул-дул чай... Или что у него там было в термосе. Кока-кола. Он со своим термосом ходил. И с переводчиком. Говорил по-русски, но не очень.

– И что?

– И говорит: думаю, говорит, мнение Арькьядия Натановича есть отишень глубокоо продуманное мнение. И все сразу притихли. Произвело! А ведь жуть что было бы, если бы ни карантин.

– Н-да... А вот Стругацкий, он тоже ничего про инопланетян, про летающую тарелку?..

– Я же тебе толкую, уфолог ты: они с Гайдаром одна была сатана. Умные люди, только тесть был опытный, битый. Пьющий человек, понимающий. Но оба умели и помалкивать. Ну и книжку эту... Про сталкеров... Написал же, из головы выдумал! Я же, когда читал – я же глазам не верил! За десять лет до Зарницы... даже больше! С братом... Книжка сама за него говорила. Её даже Ельцин потом прочёл, я точно знаю... Брат его тоже один раз был, учёный... И вообще, странное у меня было чувство, что он, этот Аркадий, что-то как-то больше знал, и знал заранее. Ведь Горбачёв про объект «Житкур-9» доложил на Комиссии

не сразу, а когда уже подписал свою отставку. Уже в январе девяносто первого. Уже кирдык пришёл Союзу.

(Смеётся.)

– Тогда все дар речи потеряли. Ельцин стулом грохнул в стену соответственно, Примаков стакан выронил с кефиром... А Горбачёв сидит такой, спокойный, помаргивает, ручку в руках крутит... Так вот, Аркадий этот Стругацкий – даже, по-моему, в лице не поменялся... Отставить. Слушай, уфолог, а ведь наврал я тебе, слушай! Гайдара ведь и в помине тогда ещё не было, на первых-то заседаниях! А Стругацкий уже был. Он же уже в восемьдесят девятом ходил на заседания, Павлов там был, Рыжков, Крючков, естественно, и никакого Ельцина и в помине, я с Украины прилетал... По вызову Язова, точно!

– Странно.

– Понимаешь? Даже я не всего знаю, понял? Официально я пятнадцатого ноября девяностого был в Капустин переведён, а числа двадцатого было первое заседание Комиссии с приглашённым Ельциным, как президентом РСФСР. Это же ещё Союз, какое там СНГ... А вот Назарбаев да, уже президент был. Республики. Очень переживал. Там же ужас что на Казахском Углу творилось в Зоне. Стены огня страшные, лава эта плазменная... Ну ты же видел кино.

– Н-да... А «Казахский», с самого начала так говорили?

– Не понял.

– Правильно ведь «Казахский». Казахский Угол, Казахская Дуга.

– А хрен его знает. Повелось как-то. Я и не задумывался соответственно.

– Кстати, а почему главное слово не прижилось, если всё по Стругацким?

– Какое главное?

– Сталкер.

– Сталкер? Так ставишь вопрос? А-а-а хрен его... Отставить, это помню! Натанович же этот тоже меня спрашивал... беспокоило его это. Это когда позже мы пили с ним, уже году в девяносто пятом или шестом, когда я в последний раз в Москве был... Чего ты лыбишься, литератор? Интересно ему было, понятно же... Это из-за американцев не прижилось. Там же оскорбительное что-то, жаргонное, по-английски если. Онанист, что ли, или что-то вроде. Отставить, помню. Подглядывальщик. Соответственно, половой шантанжист. Запало. Ну и не вошло. А потом, вы же, уфологи, повалили в Предзоне сразу, тогда же бум был инопланетный в народе, а там среди вас, уфологов, и альпинисты, и туристы всякие, ну и «трек», «траверс», всё вот это. Ну «трек» и «трек», и, соответственно, трекаеры. И повелось. По-моему, соответственно, так. Лично я, вообще-то, «ходили» предпочитаю, как мы, военные, говорили. И инопланетяне. Хотя тут тонкость. Ну ты знаешь.

– Понятно. Меня очень интересует интенсивность под названием «машины трещины».

– Как ты сказал?

– «Машины трещины».

– Первый раз слышу. А как научно?

– Не знаю.

– Первый раз слышу. Опять трекаеры тебе лапши навалили небось, литератор?

– Да непохоже.

– Ты вот что. Ты мне голову, умирающему, байками не забивай. Ты давай конкретно, обо мне.

– Угу... С кем вы первым из инопланетян познакомились? С Петровичем же, наверняка? Знаменитая конференция в «Двух трубах»?

– Ну, да. Нет! Инопланетян я сразу полной ложкой, чуть не подавился – с Папашей и дочкой его жуткой столкнулся. В тот же день, правда... На завтра, как представился лич-

ному составу комендатуры по прибытию. Семнадцатого ноября одна тысяча девяностого года.

– А «поцелуй» у вас, кстати, если не секрет...

– Налей-ка водички. Одинарное «приветствие», невзасос. Повезло приехало. Паралич грёбаный грёбанного глазного яблока. У меня – левого. Чуйка-то слабая, нет, считай. Соответственно, «поцелуй» такой вот, некомплексный. На отвяжись.

– И в Зону вы типа не выжили...

– Не был в Зоне я, не был. Это правда. Ты думаешь, разыгрываю я тебя. Не разыгрываю. Рассказать, что ли?

– Папашу я не застал... Очень интересно! Легендарные времена.

– Ну, сейчас, может, и легендарные. А тогда я без фляжки бром у штабу шагу не ступал... На приёме граждан по четвергам и пятницам посидишь, только бром и спасал. Водки ни-ни. Сразу могила. Люди спивались насмерть за месяц. Год за день же... Что в Зоне, что снаружи... «Сто метров – десять вёрст»... Да...

(Роняет пластиковый стакан. Я лезу за стаканом под кровать.)

– Извини, выскользнул. Да, так вот Папаша... Это ещё даже ЗАТО не было. За два года до ЗАТО. Ещё Зона как КЗАИ не числилась в российских документах даже. Ещё Бедой её звали только местные. Беда, говорили, Матушка. А снаружи – район стихийного бедствия, и всё тут. Газовый метеорит. Обеспечить зону отчуждения, хотя бы десятикилометровую, но жёсткую.

– А ZONA, зэт, оу, эн, эй, это когда?

– А это когда Ельцин с Клинтонем подписали Меморандум. Но кто её так у нас-то будет называть? Зона она и есть Зона. Капустинский карантин. Синенькие домики!

– О, это уже тогда?

– Да. А когда же? Они же глубоко советские, эти финские щитовки. На складах в Средней Ахтубе нашлись разобранные, ещё с семидесятых валялись. Очень помогли. Как раз две семьи, два входа. Я сам в таком жил с супругой года четыре.

(Пауза.)

– С вышки его заметили в городе. Знаешь же про вышку? Она потом сгорела, как свечка. За шоссе, напротив Волгоградского КПП, прямо посреди Собачьего посёлка с земной стороны её построили, снесли домовладения. Почти на «нейтралке», господи! Тогда же ещё «нейтралка» ведь не дошла до центра Собачьего, была только первая линия... Не слыхал про ту вышку? Неужели не слыхал? Сто пятьдесят метров! Аккордом! Пятьсот тысяч рублей как в прорубь! Мне когда показали её, так я прямо изумился. Останкино! Потом долго разбирались с отчётностью, а потом она сгорела, когда «нейтралка» разлилась в девяносто третьем. Эх ты, историк... Ну и по Северодвинской улице он и шёл, Папаша, с девочкой своей. За ночь на Вокзальной площади мехня туманы подъела, видимость через летнюю часть «нейтралки» отличная. Прямо над тридцать девятым кварталом. И он и-и-дёт прямо по проезжей части. Я только в кабинет Молдаванова зашёл, ещё даже сейф не открыл. И мне с вышки звонят: так, мол, и так, товарищ полковник. Сообщаем, согласно инструкции. Человек с ребёнком в городе идёт, на территории зоны бедствия. Ты понял? С-собаки наблюдатели, подъелдыкнули меня знатно, как нового. «Включите, товарищ полковник, видеосистему!» И транслируют мне в кабинет на телевизор изображение с телекамеры.

– В плаще Папаша?

– О-о, ещё в каком плаще. Он один на всём белом свете и был, такой плащ... И игрушечные автоматы на нём, как на ёлке. И девочка в люльке за спиной. Звоните в Кащенко. Ну я и повёлся. Схватил дежурного проводника и, не слушая, что он там пытается вякать, – в Зону. Герой, среди других героев геройский. Охрану ещё свою с собой потащил, идиот.

(Он крестится, как все местные, дважды: слева направо и справа налево.)

– Подать мне, полковнику, лошадь! вспомнить же смешно. Налей ещё водички.

ГЛАВА 1

Примерно через двадцать минут скурмач-полковник наконец воскликнул, что глаз у него, вроде как, прошёл, так её, мать вашу, и, соответственно, эдак. Сказал далее, что это, соответственно, безобразие, товарищ проводник, ведь чёрт знает куда тип в чёрном плаще до пят с ребёнком мог уйти по страшной улице мёртвого города, и что надо же, мать вашу, предупредить начальника о спецэффектах «нейтралки», нарушающих течение спасательной операции в самом её начале.

Товарищ проводник, молодой человек по фамилии Матвеев, а по прозвищу Набис, слушал высокопоставленного скурмача молча. Потому что ну не утешать же его, козлину, и уж точно хер ли возражать ему, козлу, когда и то и то поздно, когда они уже здесь, уже на «нейтралке»? Пусть орёт. Что трансформатор гудит за задней стеной палатки, что полковник сейчас пыхтит и громко выражает смелыми словами свой ужас. Безумный же. Бросился в Беду, в штыковую психическую, стоило пьяным весельчакам с вышки кино ему показать с Папашей. Полтора года после Зарницы как не проходило, люди как не гибли. Так что пусть его, козла. Орёт он. Тем более, общая тональность претензий конкретно – «орёт с облегчением», и спасибо хоть не скачет, смиренно сидит на своём кресле, с кузова не убегает... В общем, Набис помалкивал. Дипломатически. Ждал конца. Терпение. В этом смысле живой (то есть – хороший) трекер не хуже никакой Асоли. Или снайпера.

Остальные выходные, то есть охрана и свита полковника в составе: прапорщики Шульцев и Глызин и Коростылёв, майор, – тоже помалкивали, хоть и по недипломатической причине, а по физиологической. Прапорщиков «целовало» взасос, то есть Шульцева рвало, а Глызина пробило сзади. А вот майор Коростылёв ничего низкопробного в качестве «поцелуя» не получил, с ним Беда поздоровалась вроде как за руку. То есть, то ли он редкого потенциала первоходок, то ли он ходила опытный, но притворяется. И молчит. Бледный, но молчит. Этот интересный скурмач, решил Набис, опасный. Но Беда по-любому выкупит. Запишем себе... Ну а водитель дежурного спасательного «шестьдесят шестого» Андреич Никифоров по прозвищу Харон, ас перевозок смертников с Земли в Беду, не считался за выходного. У себя в кабине он сидел, и не видно его было и не слышно. Он «нейтралкой» не считался. Он был тут свой. «Нейтралке» платишь лишь однажды, а на большее Харон не претендовал. Семьдесят пять за выезд за КПП, десятка в час всё время рейса. И ни на шаг в Зону. Трое детей, жена, никто не пропал, все здоровы.

– Ну, что ж вы молчите-то, товарищ дежурный проводник? – спросил полковник, бешено вращая освободившимся глазом, моргая им, массируя его всеми пальцами по очереди. – Хоть бы отбрехнулись или «виноват» сказали бы. Чуть зрение старый полковник не потерял! А вам, соответственно, хоть бы хны. Фамилия ваша как, не услышал?

Дипломатия...

– Вольнонаёмный Матвеев, – сказал Набис, помолчав.

– И какого хера неизвестной природы вы молчали, проводник?

Дипломатия. Набис «включил библиотеку».

– Ваш выход – сплошная непрофессиональная авантюра, товарищ полковник, – произнёс он тихо. – Я пытался вас предупредить ещё в штабе. Вам на меня было... Вы не стали меня слушать. А ведь вы, товарищ полковник, к выходу не готовы. И цели выхода не понятно ни хера. Так что я просто постараюсь вернуть вас с выхода живым. Без объяснений. Имеющий уши – услышит... Хотя мы и не вышли ещё даже. Мы ещё не в Зоне...

– Как это так – мы «не в Зоне»?! – поразился полковник, прижав повреждённый глаз пальцем.

Дипломатия. Набис сплюнул с машины на белый жаркий бетон Стояка. Вот такие люди у нас в начальничках. А Харон прихлопнул приоткрытую дверцу своей кабины. Всё слышал, старый пёс.

– Что, товарищ проводник, ищите, как бы вежливо сказать начальнику, что он мудака? – спросил вдруг полковник и усмехнулся.

– Между Бедой... Между Зоной и Землёй – как бы барьер, «нейтралка», нейтральная полоса, – сказал Набис, держа тон. – Как контрольно-следовая. Здесь и земное работает по-земному, и бедованское тоже работает... Но ничего не убивает. Нет опасных гитик. А «поцелуй»... ну, рвота там, с глазами всякое, кровотечения из разных мест, – нормальная вещь при первом разе. Беда на вас в «нейтралке» смотрит, кто вы, откуда. Зачем. А потом прописывает. Как в камеру зайти.

– Сидели? – спросил полковник, но не «проницательно», а как-то нормально.

– Нет, – ответил Набис.

(Полковник отметил, что у проводника сильный непонятный и неприятный акцент, хотя русский у него правильный и сам он Матвеев. В «предбаннике» КПП полковнику успели немного рассказать о нём. Из доступных сегодня дежурных проводников в наряде спасательной службы он лучший, сказал выпускающий, капитан Мазин, взято у него за двадцать треков, служит на контракте год. Местный, беженец. Поселковый хулиган в прошлом, в армии не был, после армии вроде бы котельщик, вольнонаёмничал на полигоне. Высокий, тонкой кости молодой человек, с густейшей шевелюрой из мелких кудрей на голове, иссиня-чёрной, каракулевой. Зимой он, наверное, и шапки не носит. Усики. Позавчера – в день прибытия – и вчера Блинчук видел его в курилке у штаба трижды, и всякий раз Набис читал книгу. Они тут все читают. Не приведи господи таких солдат. Или даже просто подчинённых.)

– Н-да... Какая же она, на хер, «нейтралка», если такое тут с людьми творится? – спросил полковник.

Набис пожал плечами.

– Какая уж есть, – сказал он. – Не убивает. Спасибо ей.

– Вы кто по национальности? – спросил полковник.

Набис уставился на него, потом сообразил и чуть усмехнулся.

– Вам кажется, что у меня акцент. Это дефект речи, товарищ полковник.

– Прошу прощения, – пробурчал полковник явно непривычные слова и побледнел, что, видимо, заменяло у него «покраснел». – Виноват... Но – не понимаете цели выхода... Что же тут непонятного? Задержать замеченное с вышки лицо с малолетним ребёнком, вывести из зоны бедствия, опросить, оказать помощь.

– Товарищ полковник, это Папаша, – тихо сказал Набис.

– То есть – «Папаша»? То есть он лицо известное?

– Он единственный выживший в Зарнице. То есть их двое единственных. Он и дочка.

Они сидели рядом на эбонитовых креслах с откидными сиденьями, установленных на полу безбортового кузова «шишиги» Харона. (Кресла Харон надрал в кинозале клуба Собачьего посёлка, по четыре в ряд на железной стойке.) Набис сидел с краю. С Земли они выехали через Второе, «Волгоградское», КПП, и на «приветствие» перворазников Харон сразу свернул на Стояк, бетонную площадку, где тихо ржавели в вечных солнце, сухости и жаре две машины. Дверь в дверь, белая «волга» пропавшего без вести начальника Полигона и «запорожец» какого-то, наверняка тоже пропавшего, прапорщика. Трогать эти машины не позволяли себе ни собачинские бракуши, ни бабы-бутылочницы, ни даже менты с охранных вышек.

В районах застройки («Собачинская дуга») погода внутри «нейтралки» имела поведение. Жаркий июньский день царил в этой части её посреди холодного ноября Земли. Страшное в Нижнем Поволжье «время мошки», но на «нейтралке» мошки, конечно, не было, как не было никакой другой местной живности, включая тараканов. Говорили, здесь не было даже

бактерий. Мёртвая земля, нулевой круг. Здесь было очень тихо, с человеческой стороны не доносилось ни звука, хотя и видны были за оборванным Зоной шоссе «Волгоград – Астрахань» работающие рыжие и зелёные экскаваторы, буквально в сотне метров отсюда. Ну а на стороне инопланетной шуметь было некому.

(А вот дурацкой телевышки из «нейтралки» видно не было. «Нейтралка» сама выбирает, что показывать, что нет. Интересно, когда полковник это заметит, подумал Набис, рванёт он назад разбираться? Говорят, на строительстве этой вышки украли миллион рублей. Не дурак её придумал, конечно. Было чем поживиться.)

За «запорожцем» стоял зелёный маскировочный американский биотуалет, а на бетонном столбе с креплениями для колючей проволоки висел американский же пластмассовый бидон с краником. Первым же делом, как только заглушил мотор, и полковник ещё не заорал, что глаз у него лопнул, Харон выволокся из кабины с канистрой и налил в бидон воды, выпустив старую. Это входило в обязанности всех водил на Собачинской дуге «нейтралки». Вода на Стояке всегда пригождалась. Кому умыться, кому подмыться. Кому и то, и другое. Полковник, которому, разумеется, о ритуалах и особенностях выхода в Зону никто не решился сообщить (или решился не сообщить, или не успел решиться и сообщить), а сам он и не поинтересовался, узрев Харона с канистрой, начал было командовать, мол, водитель, вперёд, я не понял, почему встали, быстро мчать туда, где гуляет по Зоне мужчина с ребёнком... тут полковнику в глаз и вступило, и приказы на полуслове прокисли, сменившись невнятно просвечивающими сквозь мат вопросами «это ещё что, что это такое со мной?!». Поносный прапорщик, в общем, собранный и внимательный человек, только и спросил Набиса: «Туалет нормально, безопасно?» – и, увидев кивок, бросился с машины, как в яму, придерживая живот, но не забыв, однако, как многие до него, оружие. Прапорщик со рвотой бросаться с машины не стал. Упал ничком с кресла на пол кузова налево, и хвастался перед Стояком завтраком с механизированной возвышенности, лёжа у ног начальника. Майор же Коростылёв, как уже было сказано, перенёс «приветствие» без спецэффектов, только очень удивился и обеспокоился образовавшемуся разброду спасательной группы. Но удивление и беспокойство переносил стойко. Переложил лишь поудобней пулемёт на коленях и поправил чёрную вязаную шапку. Этот инструкции читал и с инструкторами не байки травил. Или, всё-таки, выходит не впервые. От кого он шифруется, от меня или от своих, размышлял Набис.

– Проверочка, стало быть, такая, матить не перематить, – сказал полковник, снимая свой шлем (обычную общевойсковую каску в чехле), ставя его на макушку у ноги и извлекая из кармашка разгрузки здоровенный носовой платок. Его полковничье раздражение уже угасло, осталось лишь общечеловеческое, не мешающее работать мозгам. Испуг в Зоне необходим. Можно даже дать залпа в штаны, не запаadlo, главное, чтобы мозга потом заработала.

– Ритуал скорее, – сказал Набис. – Что-то на вас посмотрело. И зря вы так рванули в Зону, товарищ полковник.

– Старого-то полковника, целого коменданта... подъебали, получается.

– Вы ничего не хотели слушать... Да не вы первый. Да и обстоятельства.

– Какие обстоятельства? – спросил Блинчук недобро.

Набис молчал, глядя ему в живот. Блинчук высморкался. Огляделся.

– Прапорщик Глызин! – гаркнул он и, сразу же понизив голос, спросил Набиса: – Кричать нельзя?

– Я! – глухо из кабинки откликнулся Глызин. И стукнул чем-то, видимо стволом, в стенку. – Виноват, не закончилось!

– На «нейтралке» всё можно, товарищ полковник, – ответил Набис. – На сегодняшний день. Что будет через неделю – только Беда знает. Но лучше не кричать. В Зоне всё должно быть тихо. Руки должны быть голые, а уши открыты.

– Беда – вы так называете... – Блинчук мотнул головой в сторону жилмассива «Капустин» в частности и полигона в целом. В сторону Зоны. Набис кивнул. Блинчук насупился, стал складывать платок. Рвотный прапорщик Шульцев травить закончил, полежал ещё в ожидании, сполз с кузова чуть ли не в свою лужу, но счастливо промахнулся и, нетвёрдо ступая, направился к умывальнику. Блинчук, Набис и Коростылёв смотрели, как он возится с краником.

– А вы, товарищ Набис, сами местный? Гражданский по контракту? – спросил Блинчук.

– Да, я жил в Собачьем. За улицу от вашей вышки.

Блинчук хмыкнул. Спрятал платок.

– Где служили? Ах, да...

– Я работал на полигоне, инспектор теплоцентралей. А основная профессия – браконьер.

Икра.

Блинчук задрал редкие брови.

– Прошлая, значит, жизнь, – сказал он. – Так принято здесь? Признаваться?

– Да. Беда списала.

– Не люблю браконьеров, – заметил Блинчук.

Набис пожал плечами.

– А я не люблю скурмачей, но что же делать?

– Ну, хорошо. Папаша, говорите... Мне надо его вытащить и опросить. С ним же живой ребёнок! Живой же? – обратился он к майору. Коростылёв кивнул.

– Живой, ясно видел.

– Соответственно, – сказал Блинчук. – Это наша цель. Найти и вывести. Как нам поступить, товарищ Набис, как решить задачу? Что вы знаете об этом Папаше? Что посоветуете по сути?

– Скорее всего никуда нам двигаться не надо. Надо сидеть прямо здесь и ждать, – сказал Набис. – Скорей всего, он идёт к нам. Скорее всего, он специально попался в вашу телекамеру. Он хочет познакомиться. Он или Зона... Этого я не знаю. Он умеет ходить быстро, но сегодня спешить ему некуда. Ведь вы же из-за него ломанулись в Беду сломя голову, без подготовки, на личных приказах, с одним проводником. Значит и подождёте теперь, как Беда вас приостановила чуток.

– Трах-тарарах, – сказал Блинчук. – Отставить. Не трах-тарарах, а мать-перемать. Да кто он такой?!

Набис пожал плечами.

– Он местный житель. Я его помню по до Беды. Он был врачом в госпитале.

– Военврач? – после паузы спросил майор Коростылёв.

– В форме я его не видел, – ответил Набис. – В халате видел.

Полковник и майор уставились друг на друга. Майор поправил автомат на коленях. То, что майор взял на выход АК-47, Набис тоже отметил. Не генеральский «укорот», как полковник, не модные «винторезы», как прапорщики из высшего общества, а настоящий 47-й, автомат для инопланетян. Очень интересный скурмач майор Коростылёв. Спинай не поворачиваться.

Умытый влажный рвотный прапорщик вернулся к машине и взялся за пол кузова, глядя на начальство снизу вверх.

– Так кто он непосредственно сейчас? – спросил полковник. – Он опасен?

– Очень, – сказал Набис. – Он живёт внутри Беды. Там все опасны. Там и я опасен, а уж вы насколько опасны, я даже не могу вообразить.

– Ты это, что, разведчик, – сказал Шульцев авторитетно, – хорош тут тьму нагонять. Верно, Сергей Борисович?

– Помолчи, Шульцев, – сказал полковник задумчиво. – И оружие никогда не оставляй.

– Виноват! – воскликнул Шульцев, вскочил в кузов, подхватил свою винтовку, уселся и, несколько изогнув стройный стан под бронезилетом, принялся выглядеть насколько мог молодцевато.

– Товарищ прапорщик, свою рвоту надо убрать, – сказал Набис. (Шульцев вызверился на него, как прапорщик на солдата.) – За туалетом есть швабра и бочка с водой. Специально для этих целей.

– Я не понял! – сказал Шульцев.

– Так заведено, – сказал Набис. – Необходимость. Внутренний порядок. Прячь своё дерьмо от Зоны. Дерьмо в Зоне и укусить может.

– Товарищ полковник! – обратился Шульцев к товарищу полковнику как к отцу родному.

Блинчук резко почесал бритую макушку и посмотрел в сторону Земли. Вот сейчас Чингачгук и заметит, что у него свинтили вышку, подумал Набис. Самый подходящий момент. И начнётся скандал хором. И в самый разгар возникших на почве личной неприязни неуставных отношений подойдёт Папаша с Яночкой. Но как он вообще не замечает, что мы из осени попали в лето?!

– Как вас по имени, товарищ проводник? – спросил полковник. – Я слышал... Набис?

– Это кличка. Здесь принято.

– Кличка. Хорошо. Так как же?

Сейчас я назовусь, и Шульцев скажет «Да пошёл ты на хер, Сергей!» И я его убью. И уйду жить к Папаше. И буду жить быстро и долго.

– Хорошо, не хотите – не надо, – сказал Блинчук, по итогам молчания Набиса что-то решив. – Шульцев, приberi за собой. Потом разберёмся, что здесь устав, а что подьёбка. Бегом.

– Есть, – сказал мертвец Шульцев, тоже сделав себе какую-то зарубку на памяти.

– Если Папаша показался, – сказал Набис как ни в чём не бывало, – это значит, товарищ полковник, что ему нужно поговорить.

– Он что же, прямо вот так непосредственно мне показался? – спросил Блинчук недобро. – Что вы мне, товарищ проводник, вкручиваете сказки? Откуда ему про лично меня знать? И он что, сторона переговоров? Народный депутат? Но какой народности?

– В Зоне все расчёты по результату, – сказал Набис. – А результат налицо. Папаша вам показался. Вы выехали. «Приветствие» на «нейтралке» для новичков обязательно. Это полчаса на Стояке минимум, а обычно час. (Стояк – вот эта площадка.) И есть время на вас посмотреть, есть время к вам прицениться. – Тут он помолчал, присматриваясь к чему-то вдали. – А что новый комендант назначен и прибывает сегодня, это знают все, товарищ полковник. Недели две как.

Подошёл с Шульцев с «машкой» наперевес, как смерть с косой. С тряпки капало. Шлёпнул тряпку на свою лужицу, стал, воротя морду и так, и эдак, растирать жижу по бетону.

– Да Глызин же, где ты?! – заорал полковник. Опять – заорал. Смертник.

Выскочил Глызин из сортира, ловко сманеврировав стволом винтовки в дверном проёме.

– А ему за собой убрать не надо? – спросил Шульцев у Набиса.

– Ему – нет, – ответил Набис, и этот ответ разозлил Шульцева навсегда. Но вмешался Коростылёв.

– Прапорщик Шульцев!

– Я! – автоматически воскликнул Шульцев.

– Отставить херню! – очень громко, оглушительно, ясный колокольчиковый голосок двухлетней девочки произнёс то, что намеревался майор сказать прапорщику.

И вот полковник, Коростылёв и прапорщики, – двое вскочив в кузове, один резко обернувшись с шваброй, так что с неё веером плеснуло в пространство, и один припав рядом с задним колесом на колени и выставив в сторону голоса винтовку – одновременно увидели Папашу.

(Набис заметил его минуты три назад, как раз во время произнесения фразы «Есть время прицениться», а Харон (наверняка) ещё раньше.)

Если бы описываемый момент описывал не я, Жарковский, а в местной газете «Звезда» корреспондент Клювкин, то выглядело бы это так.

Мужественное фото анфас «взгляд вдаль» на четверть полосы.

Заголовок «ЧЕЛОВЕК НА СВОЁМ МЕСТЕ».

Текст: «Сорокашестилетний полковник пограничник Блинчук Сергей Борисович повидал за время своей службы многое. Видел он и гибель товарищей, будучи начальником заставы на афганской границе в конце семидесятых, видел он горе и беды людей во время своей нелёгкой службы в районе ликвидации последствий Чернобыльской аварии. Пережитое закалило волю Сергея Борисовича, его подчинённые и сослуживцы в один голос говорят о его способности не терять головы в самые острые моменты. Академик Велихов тепло отзывался о нём. Одной из первых кандидатур на постоянную должность военного коменданта особого карантинного округа «Капустин» был Сергей Борисович, и его назначение было утверждено на совместном заседании Правительства и Комиссии по ликвидации последствий метеоритной атаки в Астраханской области единогласно.

Но тут он охренел».

Это было бы хлётко, по-перестроечному, в духе нового времени, типа новым веяниям – неизбежные типа слова, и престарелая главная редактор «Звезды» Мартышева, скрипя дёснами, пропустила бы это в печать, а потом мучилась бы, ожидая в ночи уничтожающего звонка сверху, и сама звонила бы с утра в типографию, мучила бы корректоров весь следующий день... Но Клювкин, как обычно, оказался бы неправ. После Чернобыля Блинчук ни от чего не мог охренеть до степени принятия опрометчивого решения дважды за день.

– Глызин, отставить огонь! – рявкнул он.

Шоссе (если считать по левому берегу Волги) Волжский – Астрахань (примерно два с половиной ряда шириной, асфальт от средне-плохого до почти-хорошего, невнятные обочины с глубокими кюветами, хорошая советская дорога союзного значения) проходит примерно параллельно рукаву Волги Ахтубе и рассекает секретный город Капустин (почтовый адрес «Ленинск-1» до недавнего времени) и прилежащее древнее село Капустино пополам. Если ехать от Волжского, по левую руку будет собственно город, означенное Волгоградское КПП (метраж в пятидесяти-семидесяти от шоссе через блёклый, хорошо простреливаемый пустырь), дальше шоссе вгрызается в частный сектор, раз-два, 85-й километр, и ты на широком русском оперативном просторе, и впереди у тебя воля, Каспий, Персия, резня без ограничений, жемчуга и загадочные княжны телегами и челнами. Между КПП и внешней улицей Капустина (Энтузиастов) два забора: первый у собственно КПП, колючка на бетонных столбах, быстро, впрочем, сходящая на нет, – и забор из бетонных плит у собственно Энтузиастов тянется вдоль пятиэтажек и парка Комсомольцев до северо-восточного угла города. Год назад, во время эвакуации (панического бегства) населения прочь из сверкающего, горящего, взрывающегося в ночи Капустина, этот забор во многих местах был разрушен. Его таранили и автобусами, и бортовыми, и личными «жигулями», и даже один смелый БТР проломил и обрушил на задах госпиталя довольно длинный кусок этого забора, сразу после этого утонув в асфальте на ближайшем перекрёстке. У Волгоградского КПП расстояние между внешним ограждением из проволоки и бетонным забором минимально, два десятка метров, здесь был главный поток беженцев, и в рабочем состоянии, то есть стоя вертикально, сохранилась единственная бетонная секция – составляющая как бы часть периметра Стояка. Из-за неё-то, буквально в нескольких шагах от «шишиги», и выступил перед ними Папаша. Явился, возник, персонажем телефокуса Дэвида Копперфилда, американского Кио, тиражируемого до и после полуночи первым каналом ЦТ. Слово бы Папаша сидел там с ночи, подгадывая момент наиболее эффектный для «абракадабры» и «вуаля». Невозможно было поверить, что он, такой, каков

он был, мог как-то иначе подобраться к группе Блинчука, пусть даже поражённой поносом, желудочной коликой и диплопией. Тем более что, истоптавший Собачью Дугу «нейтралки» очень подробно, Набис знал доподлинно: поблизости от Стояка нет ни единого, даже самого бросового, даже протёртого воздушного зеркала. Никак тут не спрячешься. Фокус-покус.

«Такой, каков он был» – и выглядел Папаша как в американском фокусе, а правильной представить – как в американском фантастическом боевике из видеосалона в Шереметьево, где полковник Блинчук давеча ждал рейса. «Бегущий по лезвию» фильм пришёл на ум Блинчуку. Но тут Коростылёв вдруг внятно пробормотал: «Урюпинский театр юного зрителя...» – и моментально грандиозность и блеск и поведения, и одеяния таинственного инопланетянина в глазах (саднящих, между прочим, жестоко натёртых) полковника Блинчука вдруг резко полиняли до образа какого-нибудь робота Вертера из нашей телепостановки.

– Ха. Ха. Ха, – неожиданно для себя сказал полковник вслух.

– А что тут делает злой красивый человек Серёжа? – спросила из-за капюшона Папаши его странная дочь или кто она там ему. На это раз голосом вполне зрелой, юной, но зрелой, поспевшей школьницы старших классов. На вид она ею и являлась. Очень маленькая, плотненькая, спелая кругленькая школьница. В люльке за спиной монстра. Не садись на пенёк, не ешь пирожок.

– Я в наряде, Папаша, – сказал Набис, потому что говорили о нём. – Не повезло тебе.

– Или не повезло тебе, – заметила Сидящая На Спине. А сопровождающий слова жест сделал Папаша.

– Беда на всех одна, – возразил Набис. – И хорош, Папаша, отклянй от меня. Говори, с кем пришёл говорить. Я тут на работе. Сажу и не отвечиваю.

Вдруг полковник осознал: сидит-то он, полковник, на кресле на полу кузова грузовика «ГАЗ-66», больше чем в двух метрах от земли. А Папаша своими огромными резиновыми сапогами землю попирает. Но лицо его выше лица полковника... Да он метров двух с половиной росту! И ещё сверху девочка. Девушка.

Впрочем лицо Папаши как таковое скрывала шлем-маска от изолирующего противогаза ИП-5, новенькими комплектами которых, кстати, были буквально завалены все помещения штаба комендатуры, и штабель которых обрушился давеча на Блинчука, когда он попытался открыть шкаф для документов с своим новым кабинетом... Шланг к маске подсоединён не был, дыхательный мешок отсутствовал. Сверху на лицо-маску напознал козырёк большого капюшона, ломко сверкающего на солнце «нейтралки» гранями кожзаменителя. И дальше ниспадал толстенный, с первого взгляда чёрново-кожанный, чёрный-пречёрный плащ. Поддельно сверкающий в разных своих местах также.

Пошито одеяние было явно вручную. И чёртовой кожи в нём было меньше половины. Детали выкройки грубо сшивала проволока в оплётке, а в особо важных местах были видны крепления самодельными скобками из проволоки толстой медной. Плащ выглядел крепким, но каким-то домотканым. Не фирменным. Это сильно снижало величие огромной фигуры, виден был за суперменом из Голливуда, свободно гуляющим по самой опасной в мире территории, старательный неумелый советский человек, прямой потомок Элочки-Людоедки из исторического фильма Захарова. Майор Коростылёв – Блинчук знал его ещё лейтенантом по 16-ой заставе – обладал острым глазом и быстрым умом. И был хорошо начитан. Офицерский интеллигент. Если не знать, сколько народу он положил в бою. Но далее о Папаше.

Ощущение провинциальности облачения поддерживалось видом оружия, увешивающего грандиозный плащ, как ёлку украшения. Из десятка стволов, разными способами притороченными, привязанными, примотанными и чуть ли не прибитыми к коже, настоящим был только один – потёртый РПК с коробчатым магазином, висящий на груди Папаши как «шмайссер». Все остальные были игрушечными. Там была и пластмассовая базука, стреляющая шариками, и зелёный ствол от пластмассового «максима» был, и бело-серый уродец на батарейках с под-

ствольной пружинной ракетницей, с которым когда-то сын Блинчука наотрез отказался идти во двор играть в войнушку, был тоже. Были и явные самоделки из дерева. Была даже поджига размером с обрез из фильма про Павку Корчагина. Стук-стук в стекло... «Кто там?» Бах!

Самодельным был и каркас для сиденья девочки-девушки. Там участвовали пара велосипедных рам, корзина от детской коляски, куча проволоки и массажные насадки на автомобильные сиденья. (Девушку целиком разглядеть Блинчук не мог. Полные обнажённые руки обнимали плечи исполинского плаща, короткая голая шея, круглое внимательное лицо над лысиной шлем-маски, несколько богатых прядей волос, стекающих по щекам из-под лыжной шапочки. Вдруг Блинчук вспомнил, что сейчас середина ноября, и ощутил, как ему жарко, и сообразил, что это странно, что это тоже спецэффект...)

– На вид мы с папой цирк да и только, верно, товарищ полковник? – сказала девушка-девочка голосом старой ведьмы. Папаша переступил с ноги на ногу. – Клубный реквизит, организация народных гуляний. Профессия – массовик-затейник! Но не огорчайтесь. Здравствуйте! На правах старожила приветствую вас на нашей планете!

Блинчук откашлялся, снял с плеча ремень АКСУ и поднялся на ноги. Сиденье под ним громко хлопнуло, поднимаясь. И ему показалось, что Папаша одновременно с хлопком подрос. Опять Блинчук смотрел на него снизу вверх.

– Добрый день вам обоим, – сказал он. – Я могу подойти к вам и поздороваться?

– А почему нет? – спросила девушка. Девочка. – Вы гораздо радиоактивней, чем мы.

Спрыгивавший в этот момент с кузова, Блинчук сбился с ноги и потянул в ней что-то, в лодыжке. Сдержал матюк. Прихрамывая, приблизился к инопланетной паре. Пока он шёл, Папаша вдруг как-то уменьшился. Блинчуку захотелось протереть глаза, тем более, что это только что почти вошло в привычку. Не было в Папаше двух с половиной метров, конечно, даже двух не было. Он был всего на полголовы выше Блинчука. Мираж, что ли? А при такой жаре... Да что за перематерная мама со мной творится?!

Папаша протягивал навстречу руку. Блинчук только успел заметить сильно выросшее в толстый безымянный палец обручальное кольцо, и последовало оглушительное рукопожатие, перенесённое, впрочем, Блинчуком легко, у него и самого рука была лопата.

– Приятно, здравствуйте, – сказала сверху девушка. – Здесь меня называют Папашей, а по паспорту звать меня Валентином Андреевичем Калитиным.

Протянула Блинчуку руку и она. Девичьи, домиком. Блинчук осторожно пожал ладошку. Девушка приспустила ресницы, повела вниз подбородком, словом, создала на лице выражение книксена.

– Здравствуйте, – сказала она тем же голосом. – Это моя дочь Яна. Она родилась во время Зарницы. Ей нельзя ходить по земле, её это убьёт.

За время последней фразы Блинчук решил играть по их правилам. По отчётам и свидетельствам судя, творилось во время Зарницы жуть что такое, многим и многим беженцам требовалась в том числе и психиатрическая помощь. Это тем, кто выбежал из Зоны. А эти, видать, там остались. Как я мог не слышать, что кто-то не пропал без вести в Зарнице? Сколько же ещё вранья было в отчётах? Надо их эвакуировать, конечно, подумал он тем не менее.

Сейчас Папаша ему врежет со всех стволов, подумал Набис, внимательно слушавший.

Что-то не так тут, подумал Коростылёв. Они не врут, и они не сумасшедшие.

Прапорщик Глызин ничего не думал, он прикрывал шефа, а вот не знающий куда девать треклятую швабру Шульцев, да, подумал. Подумал он вот что: мол, брошу-ка я её под «шишигу», под шумок и сумасшествие. А бракушу я этого ещё найду.

– Сергей Борисович, эвакуировать меня с дочерью – самоубийство, – сказала девушка, вежливо улыбаясь. На круглых щёчках у неё были ямочки с завитком у носа. Слово «эвакуировать» она обозначила интонацией как цитату. – Потому что это с вашей стороны захват, с нашей – сопротивление, и дальше наверняка ваша безвременная гибель. Почему я в этом

уверен? Нам с дочерью нельзя покидать Зону. И мы будем бороться за свою жизнь. – Девушка обняла Папашу за шею, положила голову на своё плечо. – Главное, что и дело-то не во мне и не в Яне. Мы просто пришли вам передать приглашение. Есть мнение, что вы тут всерьёз и надолго будете комендантом. Кличка у вас будет хорошая. Меня попросили вызвать вас. Вот я и прогулялся под вашу камеру. – Папаша задумчиво покивал обрубком хобота на рыле противогаса, а девушка продолжала: – Я оказался неподалёку, а услуга не велика, и времени у нас в Зоне хватает. В иных местах хоть ведрами черпай. Вы поедете, поговорите?

– С кем? – спросил Блинчук хрипло.

– С ответственными и осведомлёнными людьми.

– Это в Зоне?

– Нет-нет, – сказал Папаша дочерью. – Сергей Борисович, товарищ полковник, вам лично вообще нельзя выходить в Зону. Вы погибнете, и очень лютой смертью. У вас это написано на лице. Выход в Зону даже на один шаг вас убьёт. И это будет жалко. Не вас даже жалко лично: смерть в Бедо маруха. Жалко того, что вы, похоже, очень нелишний будете человек на посту коменданта КЗАИ.

– Как вы сказали? Что такое «КЗАИ»?

– Капустинская Зона Аномальных Интенсивностей. Так будет называться... Зона. А вас будут называть Пиня.

– Почему – «Пиня»?.. – оторопело спросил Блинчук. – Откуда вы всё это...

– Сходу вам надо понять вот что... – очень серьёзно продолжала девушка, а Папаша сделал останавливающий и извиняющийся одновременно жест. – Одну секунду, – сказала девушка баритоном. – Простите, перебиваю вас всех. – Папаша взялся за свой хобот и задрал маску на лоб, открыв лицо. Блинчук отшатнулся, едва не оступившись на подвёрнутой ноге. Впрочем, наверное, он едва не оступился бы и на здоровой. – Вот вам моё лицо в качестве знака доверия, – сказала девушка. – Даже моя дочь меня не видела. И не увидит. В Зоне всё то, что покажется вам, по личным ли наблюдениям, со слов ли очевидцев или свидетелей, любые чудеса, любые дикие утверждения, которые там, снаружи, на Земле, вы не осмелитесь повторить официально, в докладах или отчётах, ночью в постели Любви Антоновне, доверительно на ухо президенту, – всё это есть правда. Существует реально. Хрущёвские пятиэтажки летают, мёртвые живут, воздух твёрже стали, и до Луны всего один шаг. 25 декабря следующего года президент Горбачёв подаст в отставку накануне официального распада Союза. Будьте к этому готовы, кстати. Вы ведь теперь политик. У вас большая власть, большое влияние. Большие деньги. На вас будут охотиться.

Блинчук облизнул губы.

– Вы ясновидящие, что ли?

– Да, – сказала девушка. Девочка. Яна! – Но не мы, а я. Яне всего годик, она даже говорить не умеет. А будущее у вас на лице написано чёрным по белому.

– Моё будущее? – уточнил Блинчук, не веря, что он вообще разговаривает о ясновидении. Кашпировских мне тут только не хватало, метнулось у него в голове. Воды зарядателей, души копателей.

– Не только ваше, будущее вообще. Не старайтесь скрыть иронию, это же нормально. А Кашпировский, по-моему, шарлатан.

– Так, – сказал Блинчук после паузы. – Без пузыря не разобраться. Кто там со мной хочет говорить, где он?

– А вас Саша-Харон превосходно отвезёт. Скажете ему просто, что вас ждёт Петрович у себя в берлоге. Там и пузырь найдёте какой хотите. И, Сергей Борисович, не наказывайте Сашу, он и сам ещё не знает, что ему вас к Петровичу везти.

– А где «берлога» и этот «Петрович», он, соответственно, знает? – спросил Блинчук.

– Вы редкий тип офицера, – сказала Яна глубоким грудным голосом опытной женщины в охоте. Вот в чём не было никакой провинциальности – в её искусстве менять голоса. Это действовало мощно. И, видимо, требовало от неё немалого напряжения, потому что стало слышно её дыхание и фразы она обрывала многоточием. – Вас сильно изменил Чернобыль. Раньше вы были... Приказы, раскаты на «эр»... Мгновенное подавление собеседника... Никаких возражений от нижнего чина или гражданского ниже статусом... Верно же? А сейчас вы признаёте за другими их... право на справедливость. Даже за солдатами. Безусловно, это Чернобыль. Вы не боретесь за свои погоны, особенно когда с вами никто не воюет. Да, видимо, Петрович прав. Вы подходите.

Блинчук скушал всё это под женский страстный клёкот, как стопочку под солёного маслénка. Мужика бы он порвал. С раскатами на «эр». Кроме того, она говорила тихо. Или – «он»? Да что ж такое!

– Поэтому, – продолжала Женщина, – второе, что вам нужно понять: в Зоне все знают гораздо больше, чем говорят. Очень важный момент для профессиональных и межличностных коммуникаций. Понимаете? – Блинчук кивнул, как кобра дудочке. – Ну ступайте, езжайте, вас ждут.

Блинчук хмыкнул, похмурился для внушительности и сказал небрежно:

– Свою группу мне отослать, соответственно, предполагается?

– Почему? Охранять вас их работа.

– А проводника? Вы явно с ним в контрах.

– Смешное выражение. Пусть всё идёт, как идёт. Я не прощаюсь, товарищ полковник, увидимся через часок на месте.

– А на машине со мной?.. – предложил Блинчук.

Папаша единым духом натянул маску.

– Мы уж с Яночкой напрямки, – сказала Яна детским голоском. – Своим способом.

Блинчук свободно повернулся к ним спиной и пошёл к машине. С кузова за ним наблюдали в восемь глаз, но он свернул к кабине, постучал в окошко. Водитель, пожилой человек в рыбацком свитере, опустил стекло. В ноздрях у него торчали зачем-то чистые ватные тампоны.

– Меня ждут в берлоге у Петровича, – сказал ему Блинчук. – Знаешь, где это, мазута?

Харон задрал брови, подумал, прикинул что-то к носу, не отводя глаз, и кивнул, заводя одновременно двигатель. Блинчук полез на кузов.

– Шульцев, – сказал он, усевшись. – Достань из-под машины швабру, отнеси на место и сполосни. Выполнять. Вы видели его лицо? – спросил он у всех, когда Шульцев скрылся со шваброй за сортирной будкой. – Этого, Папаши?

Глызин, Набис и Коростылёв в два приёма переглянулись между собой.

– Он же в противогазе, – сказал Коростылёв.

– Он же его снимал, – сказал Блинчук, и Коростылёв поднял бровь.

– Никак нет, товарищ полковник, – сказал Глызин. – Не снимал. Я внимательно. Виноват, конечно.

Блинчук выдул из себя через губы трубкой литр воздуха, уселся прямо, посидел, надел шлем.

– Н-да, – сказал Набис.

– Странно, что отсюда совсем не видно моей вышки, – сказал Блинчук. – И экскаваторы эти не мои. Что-то нам сплошное кино здесь показывают. Лето, опять же. Ну, я разберусь. С раскатами, мать или перемать.

Вернулся безмолвный Шульцев, взобрался на кузов, сел. Блинчук стукнул кулаком по затылку кабины. Машина тронулась и, выехав со Стояка, сразу свернула направо.

Файл «Фенимор-1»

Отрывок

Собственная расшифровка

(Орфографические ошибки расшифровки исправлены – С.Ж.)

(...) Мы встречаемся в Беженске в сквере перед факторией мадам Лебедевой в полдень первого мая две тысячи первого года. Разумеется, мы были знакомы и до того, жить в Ахтубинском Предзоне и не знать Свержина-Фенимора невозможно, если знать не его лично, так хотя бы знать о нём. Знакомство наше отнюдь не шапочное, но на интервью он согласился впервые, на обычных, правда, условиях. Трекер рейтинга «кинг конг», автор и соавтор самых знаменитых официальных треков, победитель динозавров, соавтор открытия Леса-Шатуна. Год назад он прошёл из Зоны в Казахстан, провесив единственный известный на сегодняшний день проход через Горячий (он же Казаший) Угол. Сколько он знает треков неофициальных, не знает, разумеется, никто, кроме него. Хорошая фраза.

Он одет по гражданке, в настоящие джинсы, хорошую кожанку, в руке банка настоящего пива. Он не вооружён. Мы здороваемся, обсуждаем последние новости о экипаже Антипова, у которого горючего осталось на сегодняшний день чуть больше полубака, и они там с Валовым начинают беспокоиться и что-то подозревать. О Земных делах мы не разговариваем, хотя из-за пазухи распахнутой куртки Фенимора торчит свёрнутый в трубку номер, по-моему, «комсомолки».

– Ладно, не хватало ещё о погоде начать. – говорит он. – Итак, гиена пера, шакал копировальной техники. Включай свой диктофон и спрашивай. Вдруг погода испортится. Видишь, какие тучки?

– Ты в Зоне с девяностого года, правильно?

– Так точно. С тридцатого мая. Старше меня тут мало кто.

– А срочную, на самом деле, ты служил на Полигоне.

– Было и это.

– Расскажи мне про «машины трецины».

– А что это такое, Шугишуйц?

– Как вы все меня... Ладно. Значит, расскажи мне о капитане Житкуре.

– С какой стати? Я его не знаю. Откуда мне его знать? Это же легенда.

– Вадим, я тебя умоляю, на самом деле. Согласился поговорить, так не трави. Этого не знаю, этого не понимаю... Вся «Десятка» знала капитана Житкура. Ходил с ППШ по городу, ездил на «виллисе».

– Так я не на Десятке служил, голубь ты мой мира. Я служил... Нет. Я подписку о неразглашении давал. На двадцать пять лет. Скажем, я служил там, где сейчас Второй Эпицентр.

– Хорошо, а доктор Вяткин?

– С ним был знаком, конечно. Он работал врачом в Беженске до девяносто пятого, потом пропал куда-то. Но я знал его ещё по армии. Его призвали одновременно со мной, гусили, можно сказать, вместе. В моей части. Он лейтенантом, я рядовым. Двухгодичник из Челябинска, врач. Педиатр, что характерно. Классный чувак, очкарик, губа нижняя до пупа, всё грезил о своей коллекции рока семидесятых... Абсолютно гражданский человек, к командиру части так и обращался: «товарищ командир части».

– А разве «ефрейтор без головы» в восемьдесят седьмом не у тебя в части, на самом деле...

– До старости ты не доживёшь, Шугишуйц. Хм... У меня. Откуда ты знаешь?

– И разгребал там не капитан Житкур?

– Без малейшего понятия. Мы же из казарм выйти не могли. Во-первых, нас там заперли, во-вторых, мы сами ссали выйти так, что окна наглухо забились одеялами и порвали бы любого немца, кто бы попытался нас выгнать на улицу.

– Немца?

– Офицера. Офицер – немец, гусь – салага, салабон.

– У нас не так было.

– А ты служил?

– Ну... да.

– Местная разновидность слэнга.

– А ты сам видел этого ефрейтора?

– Да.

– Расскажешь?

– Нет. Дурные воспоминания.

– Страшные?

– Да нет, просто дурные. Не для этого солнышка. Тучка уплыла. И пиво вкусное. Как-нибудь потом.

– Ну тогда Петрович.

– А что не так с Петровичем?

– Когда ты с ним познакомился, на самом деле.

– На самом деле он меня в первый выход водил. Я же «язовский контрактник». А он был из самых первых разведчиков, старший прапор. И я попал к нему в группу.

– И как прошло?

– Да мало кто выжил. (Издевательски.) На самом деле.

– Да вот привязалось, поговорил с москвичом одним вчера по телефону.

– Так ты ж сам москвич.

– Я бедован.

– По жизни, видать. Бедован, а в Зоне не был. Магацитл ты, вот ты кто.

– Блинчук тоже не был в Зоне.

– Блинчук скурмач.

– А мне Папаша запретил.

– Вот ты ж брехло, фантаст! Папаша и Яна погибли до тебя за год! Или за два...

Уже привычный момент моего триумфа. Я проделываю это не в первый раз, и всегда это срабатывает здорово. Спасибо тебе, Папаша. Трудно удивить трекера. Но я умею. Я достаю из сумки молескин, из молескина – серый конверт с типографским контуром для марки, в который пятью итрихами очень остроумно вписаны буквы С и А. Из конверта достаю письмо Папаши, адресованное мне. Подаю письмо Фенимору. Письмо короткое, он проглатывает его за секунды. Потрясённо матерится словами, которые я не могу перевести в формат нормативной лексики. Который, которые, которого. Править. Он возвращает мне листок, тарачится на меня, отдаёт мне банку.

– Вот это да.

– Вот так, на самом деле. Магацитл я?

– Ладно, ладно. Пиво твоё, всё, что осталось. На.

– Спасибо. Женя-Туранчокс мне это письмо передал. Брехло я?

– Да всё уже, всё. Убил ты меня и оживлять не стал, так бросил. Ну и Папаша. Вот был монстр! Ну единственный выживший, что ты хочешь... Вот с ним я был знаком ещё до Зоны. Он работал в госпитале на Десятке, старшим лаборантом в туберкулёзнике... или главным лаборантом... Заведующим лабораторией, вот! Я долго в госпитале валялся в восемьдесят шестом осенью, руку сломал об одного там. Ну, и трудно было не заметить. Два метра росту, на вид – Гога и Магога гибридом. Ну и я же рисую, ирифтовик, – припахали меня

оформить ему стенд какой-то для лаборатории. А он мужик оказался отличный. Спирт, закуска, музыка. Маме позвонить. А потом уже в Зоне встретились. Он меня сразу узнал, бросился, обнял, чуть Яну свою не уронил. Ей на вид тогда лет десять ещё было.

– Что же с ним случилось в Зарнице, почему он был такой, на самом деле, и такая дочка?.. Он рассказывал тебе? Как он выжил? Куда пропали люди? Или, хотя бы, как пропали?

– Понимаешь, да, рассказал... Не знаю только, можно ли тебе пересказать. Видишь же, из могилы тебя отыскал он. Вернусь сейчас домой – а там какая-нибудь телеграмма от него. Крандец тебе, трепло, например, умри в муках... В общих чертах: их в ночь Зарницы в роддоме накрыло одним из «красных колец», что жгли тот край Капустина. Про жену не знаю подробно. Но там все погибли, кроме него и дочки. А его ли это была дочка вообще?..

– Так вот прямо погибли? «Пропал без вести» – официально.

Фенимор долго молчит. Я уже чувствую, что интервью скоро закончится. У него аж лицо ведёт тиком набок. Это что-то глубокое, глубинное, историю Папаши он давно уже примерил на себя, совпали какие-то болячки у них, и вот, не хотя этого, но сорвал я корку с самой большой из них. Что я, в сущности, знаю о Вадиме Свержине, кроме того, что он супертрекер, мегалутала и долгожитель?

– Ты прав. Подловил. Пропали без вести. Рассказываю. Про «кольца» ты знаешь... На «обруче» «кольца» пожар фосфорный, а внутри, в «глазу», всё обугливается, в пепел, и сильно лагает время. Как я понял, они в этом пепле «глаза» с новорожденной девочкой то ли год, то ли больше просидели... Что они ели, что они там пили? Может быть, вообще сто лет для них прошло, пока «кольцо» прогорело. Он там и плащ свой себе склепал, и поноску для девчонки, и придумал себе какой-то мир, какие-то мифы... Знаешь, мы когда с ним впервые столкнулись в Зоне, поговорили немного, и он вдруг так плащ распахнул, будто немой порнуху предлагает, и говорит: смотри, подкладка чисто асбестовая! И точно, пластинками асбеста изнутри плащ покрыт... Гордо так говорит, будто треком на Луну хвалится...

(Пропавшие без вести были признаны погибшими меньше года назад. Никто так и не нашёл ни одного трупа в Зоне, ни в городе, ни в степи, ни у реки. Фенимор – как и все остальные старые ходилы – тоже ушёл от прямого ответа. В принципе, их всех подвигает поговорить о пропавших без вести вопрос про домашних животных, заданный ловко: как же это так что никто, ни единый из спасшихся во время бегства в ночь Зарницы не вспомнил о своих домашних питомцах, о скотине, ни взрослые, ни дети, никто. И потом рвали на себе волосы: как я мог забыть своего котика. Или корову не попытаться вывести, на дворе же была. Но я перестал задавать этот вопрос когда мне подбила глаз кофейной кружкой девушка, десятилетняя в ночь зарницы, забывшая в квартире любимого ежонка. Причём, потом она всё-таки рассказала, что видела ежонка, пока мама хватала документы из серванта, ежонок сидел в своей коробке у самой входной двери, в прихожей, и паники пока особой не было, папа у них полковник, и мама ещё сказала: не забудь своего Клёпу, вот лукошко. Лукошко девочка взяла, а ежонка – нет. И так абсолютно со всеми. Известная тётя Алиса Рыбакова, владелица «Чипка», до сих пор оплакивает своих коз, и специально выходила в Зону, в непроходимый частный сектор к своему дому, чтобы посмотреть, как они там. Ничего. И люди и животные пропали тогда бесследно.

Так что Фенимора я тоже не стал подлавливать.)

– А тебе он пророчил что-то?

– Нет.

(И я вижу, что тут Фенимор не врёт. И Папаша к нему не лез с предсказаниями, и сам Фенимор у Папаши ничего такого не спрашивал. Да, я очень резко потерял инициативу, письмо не проработало и десяти процентов времени из обычных ста пятидесяти, и я от отчаяния пытаюсь поменять тему.)

– Ты ушёл в «важные»... через сколько?

– Через год?.. Что это я, меньше, конечно. Лето провёл от армии, осень, Новый год встретил на опушке Шатуна... И всё, в феврале я уже Блинчуку накатал «объяву про отказ». И он свой штемпель поставил.

– А вот почему Блинчук эти объявления «язовским» подписывал, ты не знаешь?

– Знаю отлично, но не мой секрет. Намёк: поговори с Петровичем, ты же вась-вась с ним. На самом деле. Кстати, их же Папаша и познакомил! Отлично помню тот день.

(Пауза. Он смотрит на меня, что-то прикидывает. Улыбается.)

– Расскажу. Осень девяностого. Я тогда в «Трубах» сам не был, но был рядом, и была история... В охране Блинчука оказался случайно такой местный проводник, из коренных... э-э... Серёжа Набис.

– Набис?! Именно Набис?

– Ну да.

(Он улыбается.)

– Набис кличка, я уж и не помню фамилии. Чернявый такой парень, кудрявый, красивый, хоть возьми и убей, хоть гипс с него отливай и в художках рисуй вместо Сократов. Местный, видимо.

(...)

ГЛАВА 2

Как все сведущие люди, в баре «Две трубы» Набис бывал не раз, как поедут туда, знал, – и за дорогой не следил, полностью полагаясь на Харона. «Нейтралка» была безопасна в смысле гитик и нападений, разве только «шопототамы» могли здесь достать человека, как вот сегодня достали полковника, и ещё все всегда эдак задней мыслью боялись, что граница Зоны всё-таки когда-нибудь двинется и под это дело по закону подлости можно будет попасть. Как под сосульку с крыши. Вот сейчас «шишига» медленно двигалась по внутриворотовой дороге дома № 9. А сам дом № 9 (улица Волгоградская) уже был в Зоне, и углы его были усеяны грибами, похожими одновременно на нефтяные пузыри и на глаза статуй, следящими за тобой, как бы ты не вертелся. А в квартире 17 этого дома (на третьем этаже среднего подъезда) утонул посередине совершенно обычной комнаты трекер-сержант Миша Булыгин, утонул насмерть, утонул, потому что вошёл в комнату (зал) первым. Чуть двинется «нейтралка», и ты в городской Зоне, и тогда почти наверняка сразу – всё. В Капустине всякой хрени неизвестной природы, от определяемых «риской» неподвижных «тяжёлых» и «лёгких» мест до очень агрессивных, совершенно непредсказуемых животных и насекомых, было очень много. Город был проходим, конечно, и очень богат на ништяки, но большинство известных Набису трекеров предпочитало ништячничать и провешивать заказываемые военными и учёными треки всё-таки в степи. Город жрал ходил очень жадно, и ещё был отмечен такой момент: мощность локалей аномальной интенсивности в степи постепенно спадала, гравитационные интенсивности деградировали, ссыхались и даже становились проходимы насквозь, успокаивались и убийственные климатические аномалии, и вакуумные карманы встречались всё реже и реже, – но в Капустине, на аэродроме и в расположениях военных частей, то есть там, где цивилизация и технология концентрированно загаживали планету, всё оставалось по-прежнему, как на следующий день после «Зарницы»... А вот село Капустино, к которому генерал Вознюк и академик Королёв пристроили ракетный город Капустин (официально – Ленинск, чтобы запутать супостатов, поскольку ещё один Ленинск, но абсолютно гражданский, располагался неподалёку) было непроходимо смертельно, оттуда спаслись единицы, и никто не знал, что там, в лабиринтах частных хозяйств, происходит... Зона не затронула лишь небольшой кусок села, за астраханским шоссе, называв-

шийся спокон веку Собачим посёлком. В городе жили двадцать тысяч человек. В селе почти шесть тысяч. Из города спаслись почти пятнадцать тысяч. Из села – меньше сотни.

«Шишига» вывернулась из дворов налево, на собственно Волгоградскую, внешнюю северную улицу города. По ней можно было проехать полкилометра почти до поворота к стадиону. Машина гудела негромко, слышно было, как вертится руль, переключаются скорости, как Харон стучит тыльной стороной ладони по потолку кабины в порывах каких-то специфических водительских чувств. Сопровождаемые молчали, стараясь смотреть по сторонам, не вертя головами. Периферийным, главным трекерским зрением, Набис видел, что рвотный прапорщик не раз и не два обращает прицельное внимание на него, Набиса, нанося, видимо, воображаемые элементы мишени на силуэт нового, свежо и остро пахнущего врага. Рвотный, видимо, неплохой боец, но дурак кромешный. Скурмач.

У Простоквашино (недостроенного квартала номер 36) Харон притормозил и стукнул в крышу кабины. Набис откашлялся. Накидку бы достать. Да у этих же нет накидок...

– Товарищ полковник, товарищи офицеры и прапорщики, – сказал он гидским голосом. – Тридцать шестой квартал. Впереди степь. Угол жилмассива. Здесь «нейтралка» расширяется, и в ней меняется климат и время. Сейчас мы въедем в очень большое воздушное зеркало. Это такой барьер, объективный, не фокус-покус. – Они глазели на него с одинаковыми выражениями. Даже нет – с одинаковыми лицами. Набис опустил глаза. – С той стороны другое время дня и дождь, – продолжал он. – Оставайтесь спокойными. Место, где обсохнуть, будет в конце, куда мы едем. Но не это главное. – Набис поподбирал слова. – Дальше по дороге мы можем встречать смуг... э-э... нелегальных посетителей Зоны. Практически все они местные жители. Мы едем по приглашению, товарищ полковник, призываю держать себя в руках. Иначе просто мы попадём в боестолкновение. Все, кого мы можем здесь встретить, вооружены, и все очень нервные. И все хорошо стреляют.

– Кругло говорит, а? – сказал Шульцев с точно выверенной истеричкой. – Ты на кого работаешь, контрактник, кто тебе платит? Куда повернёшь оружие? Фокус-покус у него тут...

– Шульцев, отставить, – не повышая голоса произнёс Блинчук. Нет, он явно не кабинетный полковник. Тип не проверяющего, а делающего. – Значит, воздушное зеркало, дождь и нелегалы соответственно... Ну, пусть так. Проводник, и мы точно кого-нибудь из нелегалов встретим?

– Мы можем встретить, – ответил Набис. – Я предупреждаю на всякий случай. И, товарищ полковник. У нас не говорят «проводник». Либо проводила, либо проводной. – Он потряс перед собой ладонью, ища объяснение. – Ну местная такая специализация.

– Как-как? – переспросил Коростылёв.

– Специализация. Неправильно сказал?

Коростылёв мгновение помедлил, глядя вверх.

– «Специфика», если коротко.

– Короче, «проводник» – задевает, – сказал Набис непримиримо. – В Зоне вежливость ценится. Со всем уважением. Но это надо всем помнить.

Блинчук выругался. Засмеялся.

– Познавательное сегодня, аж до коллик. Проводной так проводной.

Глызин фыркнул.

– Который раз я сюда приезжаю, а ничего такого не слышал... Ладно. Именно местных, —Блинчук выделил «местных», – нелегалов? Мы встретить можем?

Вряд ли военных трекеров успели оповестить, что их начальник по «нейтралке» кататься поехали... Но рисковать Набис не хотел. Спрос с проводилы. И он сказал значительно:

– Могут быть и служащие по контракту. И даже кадровые военные. В своё свободное время.

– Коростылёв, слышал? – сказал Блинчук со смешком.

– Так точно, – откликнулся майор. – Соответствует сведениям.

– Так, группа, ладно, слушай мою команду, – сказал Блинчук. – Любые действия по пресечению нелегального тире браконьерского посещения Зоны приказываю заранее соответственно отставить.

Его группа почти в унисон ответила «есть», и не Набис, а сам Блинчук шарахнул кулачищем по кабине. Харон громко передёрнул рычаг, «шишига» въехала в стоящее здесь огромное зеркало, в дождевой сектор Собачинской дуги «нейтралки».

Сопровождаемые одновременно и одинаково, не хуже, чем десять секунд назад, ответили вместе «есть», выматерились. Дождь сразу стал стеной, солнце за тучами из зенита соскочило на три часа дня. Набис опять сдержал желание достать из рюкзака и накинуть целлофановый плащик. Неудобно. Как-то не по-русски бы это было. А скурмачу-полковнику предлагать вместе накрыться – тоже не хотелось. Западло. Хотя... С майором он бы поделился, пожалуй.

– Куда же вся эта вода девается? – спросил, отплёвываясь, человеческим голосом Блинчук.

– В ливнёвку, – ответил Набис и успел показать пальцем, а Блинчук успел заметить решётку слива, жадно глотающую чистые потоки. Асфальт улицы был чистейшим. Даже грязь была чистейшая, промытая в ста водах, блестяла, как новенькая. «Шишига» перевалила через обочину, юзнула левым штирбортом, выбираясь на пустырь, и принялась, страстно, прирыкивая, гудя, преодолевать холмики и ровики пустыря на месте старого госпиталя. Хватко цепляясь колёсами за битый кирпич в мокрой земле, за остатки асфальтовых дорожек и тротуаров. Все замолчали, вцепившись в подлокотники.

– А из ливнёвки куда? – спросил Блинчук, когда перестало кидать.

– А это вопрос к учёным.

– Хэх! – сказал Блинчук и замолчал.

– Не вопрос. На сухой стороне испаряется, – сказал вдруг прапорщик Глызин.

Машину тряхнуло на рельсах. Группа снова схватилась за мокрые гладкие подлокотники. Харон форсировал потерянный для мира астраханский отрезок Приволжской железной дороги. Впереди, небрежно умелой рукой в три движения брошенный широкой кистью белой тушью на мокрую тёмно-серую бумагу, вставал исполинский четырёхэтажный корпус управления городской котельной. Над ней реяли в дождливой дымке две трубы. На пустой автостоянке перед фасадом управления Харон развернулся, тщательно прицелился и ювелирно проехал между штабелями бетонных плит, нештатно, но надёжно перекрывающих въезд во двор управления «не через КПП». Сопровождаемые аж встали на кузове, глядя, сколько сантиметров от борта до плиты, хлопнули короткой очередью сиденья кресел. И тут же встретили первого нелегала. Это была баба. Простая русская баба.

Баба возвращалась с далёкого выхода. Набису было это ясно так же, как простая водка. Набис знал эту бабу. В палаточном лагере «Беженск» все всех знали, но уж всех знали все доподлинно – в Зоне. Звали бабу тётя Алиса, кличка у неё была Рыбачка, а фамилия Рыбакова, на Земле работала она главным кассиром в сельсовете, погибли у неё в Зарнице и дочери, и муж, а выжил лишь юный зять, страдавший от рака с до-Беды. Американцы сказали ей, что есть надежда пролечить парня в Германии бесплатно. Там, мол, лечат, там, мол, такие выживают, долго живут. И тётя Алиса собирала, ништячная, деньги на взятку, но не для немцев-врачей, а чтобы вывезти зятя из карантина. Стоило это на вчерашний день пятнадцать тысяч долларов у браконьеров с ериков по-над речкой Стёпкой. Две здоровых «радуги», что тётя Алиса несла сейчас на коромысле в двух авоськах, у Петровича стоили по сто пятьдесят штука, а на внешней границе Предзонья, на Царёвском, например, КПП – до двухсот в погожий день. Выгода! Тётя Алиса была в ОЗК, голова её была повязана пиратски капроновой косынкой, прокатный 47-й тяжело пригнул тётю Алису к поверхности планеты, неправильно вися на груди. Увидев машину, она спокойно и безразлично уступила дорогу, подождала, пока механизм проедет, и

двинулась себе снова, продолжая путь, начавшийся не менее, чем вчера утром. К вечеру она вернётся в лагерь, сдаст автомат бомбиле (сверхсрочнику старшине Палкину, скорее всего), отберёт у него залог, который он вечно норовит зажилить, дойдёт до палатки, накормит зятя и приберётся за ним, а потом, не раздеваясь, упадёт на койку, канув в тот сон, что сильнее смерти. А послезавтра отправится пешком за тридцать километров сбывать ништяки... Все на кузове, свернув головы, смотрели ей вслед. Харон вильнул к складам, тётя Алиса скрылась из виду за ребром здания управления, и тут вдруг майор Коростылёв сел прямо и начал сквозь зубы материться, шипя и сплёвывая, и никто его не останавливал, пока Харон не притёрся у эстакады складского ангара и не заглушил мотор, и даже тогда Коростылёва никто не остановил, он утих сам.

– Приехали! – сказал из кабины Андреич Харон первое за сегодня слово.

Блинчук недобро пялился на Набиса.

– Приехали, – подтвердил Набис. – Это сюда, в ангар.

– Что там?

– Там что-то вроде гостиницы с баром. Называется «Две трубы».

– Браконьеры?

Набис вздохнул.

– «Смаглеры».

– Почему так? – спросил Блинчук.

– От американского «смаглерс», товарищ полковник, – сказал Коростылёв. – Контрабандисты. Жаргон.

– Чёрт ногу сломит, – сказал Блинчук. – Трекеры, смаглеры... Бедованы, чёрт бы их побрал!.. Хорошо, а «магацитлы» кто такие?

– Это, например, мы с вами, товарищ полковник, – сказал Коростылёв.

Блинчук матюгнулся.

– Скажите, Набис, а ведь наши американские друзья в свободное время тоже ништякничают в чёрную? – спросил Коростылёв. – Чего уж сейчас-то. Мы же уже тут. Сами, глядишь, увидим незначай.

Набис утёр мокрое лицо мокрой ладонью и прыгнул с кузова на эстакаду под навес. Он дело сделал. У дверцы, прорезанной в закрытой воротине ангара, стояла скамеечка. На неё он и сел, и достал портсигар с порезанной астраханской «астрой», и закурил, прикидывая, что эта за сегодня – третья, осталось, значит, ещё три на сегодня. Набис бросал курить, гуманно отрезая привычку по частям. Он собирался жить долго и в Америке.

Как будто забыв про него, мимо него гуськом в дверцу прошли все четверо. Блинчук шагал первым, в бой, Коростылёв замыкал, прикрывая спины... И всё-таки он кивнул Набису, поравнявшись с ним, перед тем, как скрыться в предбаннике бара. Да, самый опасный из них – майор. Именно потому, что самый человечный. Прошло времени. Набис курил. Дождь шумел, остывала под ним «шишига», Харона не было ни видно за залитым ветровым, ни слышно. Вдруг раздались шаги, безопасные, справа, шлёпали по лужам ботинки. Набис посмотрел. Приветствуя его издали поднятием рук, к «Двум трубам» приближался знакомый контрактник Фенимор. Тут Харон мигнул фарами, Фенимор, даже руки не опустив, следующий по счёту шаг сделал вправо вбок и пропал в какой-то щели между пристройками. Набис докурил до губ, выбросил окурки в дождь и неторопливо пошёл его искать.

Он был доволен, что встретил Фенимора именно сейчас и именно здесь. У них были дела, в том числе и одно срочное, торговые переговоры, где Фенимор был покупателем, а Набис – посредником. Но основная причина довольства была в другом, хотя Набис, будучи человеком не рефлексивным, не отдавал себе в ней отчёта. Он всё утро был вынужден вести себя дипломатично, что было всей его природе чуждо до отвращения. Он был человек стаи, всё детство и юность он провёл в сельской стае, где не имел значения его дефект речи, как не

имели значения ум, честь и совесть. Потом вдруг стая резко кончилась, когда дружков и приятелей повально начали сажать, а оставшихся, чуть позже, – грести в армию. Набис не попал под суд за убийство по чистому везению, в армию не попал по детской инвалидности, но одиночество и внезапно возникшая необходимость зарабатывать на жизнь его выбили из колеи. Способ заработать для людей его круга здесь был один: рыба-икра. А браконьер всегда индивидуалист и одиночка, какой бы сборной гопой ни шли на конкретный лов, и всю браконьерскую жизнь Набиса мучили воспоминания о долгих днях и ещё более долгих вечерах сладкой, полной смысла, приключений, гордости и от неизбежных побед и от блистательных поражений жизни в сельской банде годков шестёрка. 66 год выдался обильным на мальчиков в Капустино, их поколение не имело конкурентов по численности, и про них знали даже в Волжском, куда они целый год выезжали раз в месяц на танцы мочить волжан, давить с них масло, мацать их шкур. Братский круг, ясные всем темы, здоровье и лёгкость, поиск, преследование, уничтожение и торжество. Даже пили мало. Потеря этого образа жизни была мучительна, как не вовремя пришедшая старость. Зарница Набиса и испугала, но внезапно и подарила надежду на возвращение стаи, взрослой, долговечной стаи, поскольку выжившие, запертые в жестокий карантин, мгновенно (поначалу) сроднясь, держались друг за друга по-семейному, и несколько митингов, возникавших в первые месяцы после Зарницы, собирали повально всех, могущих ходить, и была сила, и могли бросить камень в голову хоть кому, – вполне могло задаться. Тем более, вон что в стране творится, самоуправление, биржи, совместные предприятия, самоуправление. Но надежды сошли на нет, военные нажали, а американцы не пришли на помощь, суки, не вступились. Пришлось вербоваться проводилой, чтобы получать больше, чем дневной паёк беженца. Прогиб за паёк. За хороший паёк, впрочем, так что прогиб выходил глубоким, ломающим. А потом позвала Зона, обнаружила в Набисе отличное чутьё, прописала, поманила. Первые же ништяки, проданные – по глупости – официально, принесли неожиданно смачный навар, Набис рискнул сништячничать в чёрную и за несколько ходок – не тётя Алиса же он, по две «радуги» выносить – вдруг стал способен враз купить «жигули». Но купить их он не мог. И понял, что усугубил своё поражение, влез в ярмо службы на военных глубоко, прочно сел на цепь необходимости дипломатического общения, необходимости компромисса. Он не был тупицей, у него получалось так жить, но это сводило его нервной судорогой по вечерам, его профессиональная ненависть, его стержень пацана, его память о смертельном ударе «на бис» в голову ногой тому мужику начали потихоньку ржаветь, а ржавчина истончает. Он боялся сорваться, а сорваться с военными – его работодателями – значило физически погибнуть. (Рвотный прапорщик сегодня прошёл, конечно, по самому краешку от смерти, но и Набис прошёл там же, и гораздо ближе к обрыву.)

Он не понимал, что должно пройти время, новая жизнь должна нащупать привычную колею. Но ему опять повезло, он пережил первые месяцы нервного срыва, хватило нервов, не сорвался в пьянку, не убил никого. И вот примерно месяц назад началась среди нелегальных ходил некая движуха по объединению в артели, и объективно это центростремление имело будущее, предполагало какую-то коллективную, привычную мазу подписи по кругу. И вся дипломатия, все литературные эквивоки, вся роскошь человеческого общения шли, наконец, на хер. Потому что банда она и есть банда, спина прикрыта, все падлы умрут сегодня, а мы не умрём никогда. Сбрось старость, ты доплыл, нащупал дно.

Фенимор был видный участник этой движухи, хотя и оставался пока в статусе военного трекера. И он был пацан. Он умел говорить и делать, и он понимал. Так что после стресса от невозможности безнаказанно придушить прапорщика Шульцева самое то было поговорить с понимающим пацаном, хоть и не местным, но без масок, без украшений, без понтов. И с выгодой. Давно такого не было, всё какие-то либо твари без понятий, либо менты без закона. Либо лохи, население.

Фенимор расположился в «кибитухе с зелёным столом». Таких укромин вокруг бара имелось много, некоторые сохранились с земных времён, некоторые обустроили трекары. Что там было «обустроить», впрочем. В любой ходок между техническими будками или стенками цехов залезть, кусок шифера или толя над головой воздвигнуть, да особо и промокнуть никто не боялся, «нейтралка» – не Беда, толь или ещё что-то такое под ноги, ящики или чурки для сидения, вот и дело, вот и поди плохо готова переговорная, или обмыть выход с выхода без лишних ушей и не под злым зорким мёртвым глазом Петровича.

– Привет, Серёг, – сказал Фенимор.

– Привет, Вадик.

– Я не понял, иду, а мне маячат.

– Я проводом сегодня в наряде. Привёз нового. – Набис выбросил под дождь сломанный ящик и вытащил из штабеля новый. Уселся, подвигал тазом. Надёжно. Положил автомат на стол (кусок ДСП, измазанный сверху зелёной краской), рядом с точно таким же автоматом Фенимора. Только у Фенимора магазин был пулемётный, сороковка.

– Это этого Блинчука?

– Ну да. Петрович его выманил.

– Планы Петровича – планы народа, – сказал Фенимор со смешком.

– Петрович дохера умный, конечно.

– Тётю Алису встретили?

– Чуть машиной не снесли. «Радуги» крупные, красочные, где ж она их нарывает?

– Её маза, Серёг. Дороги ей не перейду.

– Да, тут без базара.

– А в бар не зашёл?..

– Я провод, а не скурмач. Я не с ними, я их по наряду вожу.

– Яссн, – сказал Фенимор. – В общем, Серёг, в жилу пересеклись мы с тобой. Друга своего ты видел?

– Козлами таких друзей топчут. Крутился под ногами в школе, вот всей дружбы. Чмошник, очкарик. Мама с узла связи, папа... – Набис сдержался. – Но вот, хер что скажешь, с везением козлик, с чуйкой, и в Беде не бздо. Надо признать. Короче, он обосновал. Он действительно там был. И красный домик описал без подсказки, и надписи на КПП подтвердил.

Фенимор сильно потёр лицо обеими руками.

– Трек по времени лаговый?

– Он говорит, местами да. Одно колено объективно неделю шёл. И странно там ещё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.